

Б Мишель БЮССИ

Детективщик № 1
во Франции

ЧЕРНЫЕ КУВШИНИКИ

Мишель Бюсси
Черные кувшинки

© Елена Головина, перевод, 2021

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2021

* * *

Памяти Джеки Лукаса

Моне показывает нам не реальный мир,
а его видимость.

Ф. Робер-Кемпф, «Орор», 1908

Нет, нет! Только не черное! Не для Моне!
Черный – это не цвет!

**Жорж Клемансо. Из прощальной
речи на похоронах Клода Моне
(Мишель де Декер, «Клод Моне»,
2009)**

* * *

Описание деревни Живерни на страницах этой книги максимально соответствует действительности. Все упомянутые в ней места существуют на самом деле: отель «Боди», приток реки Эпт, мельница Шеневьер, школа, церковь Святой Радегунды, кладбище, улица Клода Моне, шоссе Руа, Крапивный остров, не говоря уже о розовом доме Моне и пруде с кувшинками. То же относится к расположенным по соседству достопримечательностям и селениям:

музею в Верноне, Руанскому музею изобразительных искусств, а также деревушке Кошерель.

Сведения о жизни и творчестве Клода Моне и судьбе его наследия абсолютно достоверны – так же, как сведения о других упоминаемых в книге художниках-импрессионистах, в том числе Теодоре Робинсоне и Эжене Мюрере.

Информация о кражах произведений искусства почерпнута из газет.

Все остальное – выдумка автора.

* * *

В деревне жили три женщины.

Первая была злодейкой, вторая – вруньей, третья – эгоисткой.

Деревня называлась Живерни.

Первая жила на большой мельнице, стоявшей на берегу ручья, что бежит вдоль шоссе Руа; вторая – в мансарде над школой, на улице Бланш-Ошеде-Моне; третья – у матери в домишке с облупленными стенами на улице Шато д'О.

Они не были ровесницами, о нет. Первой перевалило за восемьдесят, и она успела овдоветь. Ну или почти овдоветь. Второй было тридцать шесть лет, и она ни разу не изменила мужу. Пока не изменила. Третьей вот-вот должно было исполниться одиннадцать, и в нее были влюблены все одноклассники. Первая всегда одевалась в черное, вторая красилась, чтобы понравиться любовнику, а третья заплетала непослушные волосы в косички.

Вы уже поняли. Это были очень разные женщины. Но кое-что их объединяло. Все три втайне мечтали уехать из дома. Да-да, они спали и видели, как бы покинуть Живерни – эту знаменитую на весь мир деревню, куда люди со всего света стремятся попасть хоть на денек.

Почему стремятся, вы тоже знаете. Из-за импрессионистов.

У первой из женщин – самой старой – хранилась очень красивая картина, вторая живо интересовалась художниками, а третья, самая юная, хорошо рисовала. Даже очень хорошо.

Странное желание – покинуть Живерни, вы не находите? Но все три считали эту милую деревню тюрьмой. Вернее, большим и красивым садом, окруженным прочной решеткой с крепко запертыми воротами. Чем-то вроде территории сумасшедшего дома. Или картиной-обманкой. То есть такой картиной, на которой изображение сливается с окружающей реальностью. Искусствоведы называют этот прием «tromp l'œil». На самом деле третья, самая младшая, искала отца. За пределами деревни. Вторая искала любовь. А первая, самая старая, кое-что знала и про вторую, и про третью.

Но вот однажды – всего лишь однажды! – ворота сада открылись на целых тринадцать дней. Это случилось с 13 по 25 мая 2010 года. Ворота Живерни ненадолго открылись только для них – или они думали, что для них. Но открылись с непременным условием – скажем прямо, безжалостным. Вырваться на свободу могла лишь одна из трех. Оставшимся пришлось бы умереть. Поделаться тут ничего было нельзя.

Эти тринадцать дней стали кратковременным и жестоким исключением из правила. Они начались с убийства – в первый день и закончились еще одним убийством – в последний. Как ни странно, интерес полиции возбудила только вторая, самая красивая женщина. Третьей, самой невинной, пришлось провести собственное расследование, а первая, самая незаметная, спокойно наблюдала за происходящим. Хотя сама оказалась способной на убийство!

Ровно тринадцать дней. Время, достаточное для побега.

В деревне жили три женщины.

Третья была самой талантливой; вторая – самой хитрой; первая – самой решительной.

Угадайте, которой из трех удалось сбежать?

Третью, самую маленькую, звали Фанетта Морель. Вторую – Стефани Дюпен. Первая, самая старая, – это я.

Картина первая

Впечатление

День первый
13 мая 2010 года
(Живерни)
Сборище

1

Прозрачная речная вода окрашивается розовым. Медленно расплываются тонкие струйки, как в стакане, если окунуть кисточку в акварельной краске.

– Нептун, назад!

В потоке воды розовый цвет бледнеет и теряется на фоне свисающих с берега буйных зеленых трав, тополиных корней цвета охры и ивовых зарослей. Его уже почти не видно.

Это могло бы быть красиво.

Если, конечно, не знать, что вода в ручье покраснела не потому, что художник помыл в нем палитру. Она покраснела от крови из разбитой головы Жерома Морваля. Не просто разбитой, а раскроенной надвое. Кровь течет из глубокой, с ровными краями раны на макушке, и ее уносит течение Эпта – Жером лежит головой в воде.

Моя немецкая овчарка подбежала поближе и стала нюхать.

– Назад, Нептун! Нельзя! – На этот раз я закричала уже громче.

Труп, наверное, обнаружат очень скоро. На часах всего шесть утра, но тут обязательно кто-нибудь появится. Запоздалый гуляка, или художник, или любитель побегать трусцой, или собиратель улиток... Любой, кто пройдет мимо, наткнется на тело.

Я остановилась чуть поодаль и стою, опираясь на палку. Земля раскисла – в последние дни без конца шли дожди, и вода в ручье поднялась до берегов. В свои восемьдесят четыре года я не

собираюсь изображать наяду, даже если весь ручей не больше метра в ширину, да еще половину воды из него отвели, чтобы наполнить пруд в саду Моне. Правда, говорят, сейчас пруд с кувшинками снабжается из подземной скважины.

– Нептун, ко мне! Пошли.

Я погрозила ему палкой, чтобы не смел совать нос в зияющую дыру в серой куртке Жерома Морваля. Там вторая рана. Прямо в сердце.

– Давай пошевеливайся. Не век же нам тут торчать.

Я в последний раз окинула взглядом мостки напротив и ступила на тропу. Ничего не скажешь, за дорогой хорошо ухаживают. Самые большие деревья вдоль обочин спилили, кустарник расчистили. Еще бы, ведь здесь каждый день бывают тысячи туристов. Сегодня легко пройдет и детская коляска, и инвалидное кресло. И старуха с палкой. Например, я.

– Нептун! Все, пошли!

Я свернула с тропы чуть дальше, там, где русло Эпта разделяется на два рукава, на одном – запруда, на другом – каскад. На той стороне расположен сад Моне с его кувшинками, японским мостиком и оранжереей... Странно. Я родилась здесь в 1926 году, в год смерти Клода Моне. Следующие почти пятьдесят лет сад пребывал в полном запустении. Но потом колесо провернулось, и ныне десятки тысяч японцев, американцев, русских и даже австралийцев ежегодно пересекают едва ли не весь земной шар, чтобы пройтись по Живерни. Сад Моне превращен в священный храм, в Мекку, в кафедральный собор... Кстати, скоро паломники будут здесь.

Я посмотрела на часы. 6:02. Еще пара часов покоя.

Я пошла дальше.

Между тополями и гигантскими лопухами белокопытника стоит памятник Клоду Моне. Скульптура косится на меня злобным взглядом потревоженного соседа. Подбородок спрятан под бородой, на голове нечто, смутно напоминающее соломенную шляпу. Надпись

на постаменте цвета слоновой кости указывает, что бюст установлен в 2007 году. Рядом – деревянная табличка, на которой написано, что хозяин присматривает за «лугом». За своим лугом! За полями, за узким притоком Эпта и за самим Эптом, бегущим к Сене, за рядами тополей, за поросшими лесом берегами... За всем тем, что его волшебная кисть переносила на полотно и увековечила этим. Покрытые лаком, эти ландшафты не поддаются разрушению.

Конечно, в шесть утра деревня еще способна кого-то ввести в заблуждение. Передо мной чистый горизонт, пшеничные, кукурузные и маковые поля. Но я не собираюсь никого обманывать. На самом деле луг Моне почти весь день служит парковкой. Если точнее, четырьмя парковками, раскинувшимися вокруг гудронового стебля, как лепестки асфальтовой кувшинки. В моем возрасте я уже имею право так говорить. Я ведь год за годом наблюдала, как меняется окружающий пейзаж. Сегодня деревня Моне – это витрина супермаркета!

Нептун трусил в паре метров позади меня, но вдруг ринулся вперед. Пробежал через парковку, помочился на деревянную ограду и рванул в поле, к слиянию Эпта и Сены. Эту небольшую полоску суши между двумя речками почему-то называют Крапивным островом.

Я вздохнула и пошла по тропе дальше. Не бежать же мне за ним – в мои-то годы! Пес исчез из виду, но вскоре вернулся. Дразнит он меня, что ли? Я не стала его окликать в такую рань. Он снова нырнул в пшеничные заросли. Теперь Нептун так развлекается. Отрывается от меня метров на сто. Всем жителям Живерни известна эта псина, но мало кто знает, что она моя.

Миновав парковку, я направилась к мельнице Шеневьер. Там теперь мой дом. Лучше вернуться, пока не нахлынула толпа. Мельница Шеневьер – самая красивая постройка вблизи сада Моне и единственная, возведенная на берегу ручья, но с тех пор, как они превратили луг в заповедник железяк и шин, я чувствую себя неким исчезающим видом. Сижу в клетке на потеху зевакам с

фотоаппаратами. Чтобы перебраться с парковки в саму деревню, через узкий приток Эпта перекинута четыре мостика, один из них – прямо перед моим домом. До шести вечера я живу словно в окружении. Потом деревня затихает, луг возвращается под надзор ивняка, и Клод Моне может снова открыть свои бронзовые глаза, не боясь, что бензиновая вонь вызовет у него приступ кашля.

Ветер колыхал лес зеленых колосьев, кое-где расцвеченный красными пятнами маков. Уверена: если смотреть на эту картину издалека, со стороны Эпта, она напомнит полотно импрессиониста. Какая гармония теплых рассветных красок! И единственная черная точка в самой глубине.

Старуха в черных одеждах. То есть я!

Чистая нота меланхолии.

– Нептун! – крикнула я еще раз.

Не знаю, как долго я простояла, наслаждаясь хрупким покоем. Не меньше нескольких минут, пока не появился какой-то бегун. Он пронесся мимо меня. В ушах наушники. Майка. Кроссовки. На лугу он смотрелся чужеродным телом. Первый, но не последний – того и гляди явятся другие нарушители спокойствия. Я слегка кивнула ему, он дернул головой в ответ и удалился под электронный стрекот из наушников, вскоре свернув к бюсту Моне, водопадику и запруде. Наверное, назад побежит вдоль ручья, стараясь, как и я, не вляпаться в грязную жижу на обочине тропы.

Я села на скамейку и стала ждать. Я знала, что продолжение последует.

На парковке еще не было ни одной машины, когда на шоссе Руа, между мостками и моим домом, резко затормозил полицейский фургон. В двадцати шагах от утопленника. От Жерома Морваля.

Я поднялась.

Позвать еще раз Нептуна? Я вздохнула. Ладно, дорогу он знает. Мельница Шеневьер в двух шагах. Бросив последний взгляд на выбирающихся из фургона полицейских, я пошла к своему дому. С

мельничной башни, с пятого этажа, окрестности видны не в пример лучше. Никто не догадается, что за ним наблюдают.

2

Первым делом инспектор Лоренс Серенак огородил место преступления широкой оранжевой лентой, закрепив ее на ветках ближайших деревьев.

Ему сразу стало ясно, что дело будет трудным. Хорошо, что после звонка из Вернона он сообразил прихватить с собой еще трех сотрудников. Первому, агенту Лувелю, он поручил не пускать к трупу зевак, которых на берег ручья набежало уже немало. Поразительная вещь! Только что полицейская машина ехала по безлюдной, словно вымершей деревне, и вот не прошло и нескольких минут, как уже собралась целая толпа. Можно подумать, жителям больше делать нечего, как только глазеть на место убийства. В том, что это именно убийство, он не сомневался – не зря проучился три года в Тулузской школе полиции. Серенак еще раз осмотрел рану на груди, расколотый череп и опущенную в воду голову мертвеца. Агент Мори – самый подкованный в комиссариате Вернона по научно-технической части – внимательно исследовал оставленные на земле рядом с трупом следы и готовился делать слепки из быстро застывающего гипса. Задание зафиксировать следы, прежде чем кто-либо приблизится к трупу, ему дал Серенак. Бедолага мертвее мертвого, так что немножко подождет. Главное – не затоптать место преступления, пока тело не будет сфотографировано, а улики не собраны в пластиковые контейнеры.

На мосту появился запыхавшийся инспектор Сильвио Бенавидиш. Жители деревни чуть расступились, пропуская его вперед. Серенак велел ему бегом бежать в Живерни с фотографией покойника и постараться разузнать о нем все, что можно, а еще лучше –

установить личность убитого. Инспектор Серенак не так давно служил в полиции Вернона, но успел понять, что Сильвио Бенавидиш – идеальный подчиненный, он точно и четко выполняет приказы и прекрасно справляется с писаниной. Заместитель, о каком можно только мечтать! Правда, ему малость не хватает инициативности, но... Серенак чуял, что дело тут не в отсутствии знаний и опыта, а в простой робости. В общем, преданный парень! Ну, в смысле – преданный работе, разумеется. Инспектор Лоренс Серенак подозревал, что на самом деле Бенавидиш относится к нему, недавнему выпускнику Тулузской школы и своему непосредственному начальнику, как к неопознанному полицейскому объекту. Серенака назначили руководить комиссариатом Вернона четыре месяца назад, даже не присвоив звания комиссара. Как еще должны здесь, в Верхней Нормандии, воспринимать парня, которому не исполнилось еще и тридцати лет, который говорит с южным акцентом, к преступникам обращается как к школьным приятелям, а на место преступления смотрит с нескрываемым цинизмом?

Впрочем, как знать, подумал Серенак. Просто людям тут живется нелегко. Не только полицейским, конечно. Всем. Особенно в Верноне, который только на карте является частью Нормандии, а по сути – просто пригород Парижа. Граница с департаментом Иль-де-Франс проходит как раз по Живерни, буквально в паре сотен метров отсюда, по другому берегу основного рукава реки. Но местные жители не считают себя парижанами. Они нормандцы, и точка! Те еще снобы. Один тип тут как-то втирал ему, что на Эпте – речушке, в прошлом отделявшей Францию от англонормандской монархии, – людей полегло больше, чем на Мёзе или Рейне...

Вот дурачье.

– Инспектор!

– Слушай, да зови меня просто Лоренс. Сколько раз говорить.

Сильвио Бенавидиш растерялся. Инспектор Серенак выпалил это перед агентами Лувелем и Мори, не считая полутора десятков зевак

и плавающего в крови трупа. Нашел время выяснять, на «ты» они или на «вы».

– Э-э... Да. Э-э, патрон... Мне кажется, нам надо действовать с предельной осторожностью. С установлением личности жертвы проблем нет. Его здесь все знают. Вроде как крупная шишка. Зовут Жером Морваль. Известный хирург-офтальмолог. У него свой кабинет в Париже, на улице Прудона, в XVI округе. Здесь живет чуть ли не в самом лучшем доме, номер семьдесят один по улице Клода Моне.

– Жил, – поправил его Серенак.

Сильвио молча проглотил упрек. Видок у него при этом был как у рекрута, только что узнавшего, что его отправляют на русский фронт. Или как у жителя юга, командированного на Северный полюс. Или как у полицейского, получившего назначение в Нормандию. Серенак улыбнулся. Если кому и надо морщиться, так это ему.

– Ладно, Сильвио, – сказал Серенак. – Отличная работа. Не бери в голову. А биографию трупа расскажешь чуть позже.

Серенак подлез под оранжевую ленту.

– Людо, как там у тебя? Подойти-то уже можно?

Людовик Мори кивнул. Собрав гипсовые слепки, он ступил в сторону, пропуская Серенака в прибрежную грязь. Одной рукой тот уцепился за ветку ближайшего ясеня, а вторую вытянул в направлении трупа.

– Сильвио, подойди-ка. Взгляни. Довольно странный способ убийства, не находишь?

Бенавидиш приблизился. Лувель с Мори повернулись и с интересом уставились на товарища, словно понимая, что сейчас шеф устроит мастер-класс.

– Посмотрите все на рану – на теле, а не на голове. Очевидно, Морваль был убит холодным оружием – ножом или чем-то вроде того. Удар нанесен прямо в сердце. Думаю, нам необязательно дожидаться протокола вскрытия, чтобы предположить, что этот удар был смертельным. А теперь взгляните на следы, оставленные на

земле. Что мы видим? Тело волокли несколько метров, до самой воды. Спрашивается – зачем? Зачем преступник перетащил труп? Затем он взял булыжник – или другой тяжелый предмет – и проломил жертве череп от макушки до виска. И опять встает вопрос: за каким фигом?

Лувель робко – ни дать ни взять ученик за партой – поднял руку:

– Может быть, Морваль умер не сразу?

– Да ну? – насмешливо произнес Серенак. – С такой дырой в сердце? Слабо верится. Но даже если допустить, что он еще был жив, почему не добить его тем же ножом? Я спрашиваю, зачем он тащил его к воде и зачем расколотил ему черепушку?

Сильвио Бенавидиш молчал. Людовик Мори озирает окрестности. На берегу ручья лежал большой, чуть ли не с футбольный мяч, камень, испачканный кровью. Агент уже взял с него все возможные образцы.

– Может, просто заметил этот камень? – рискнул высказаться Людовик. – Воспользовался тем, что попало под руку...

У Серенака блеснули глаза.

– Нет, Людо, я с тобой не согласен. Давайте, парни, смотрите внимательно. Здесь есть еще кое-что странное. Что вы можете сказать об этой береговой полосе длиной примерно двадцать метров?

Инспектор Бенавидиш и оба агента послушно окинули взглядом берег, но понять, что имеет в виду Серенак, так и не смогли.

– Больше никаких камней здесь нет! – торжествующе провозгласил Серенак. – Вы хоть весь ручей обшарьте, ни одного не найдете! Значит, камень принесли сюда специально. А если его приподнять? Смотрите, под ним травка – примятая, но свежая. И на самом камне никаких следов сухой земли. Так что же делает здесь этот камешек? Преступник принес его с собой, вот что я вам скажу!

Агент Лувель согнал с моста зевак на правый берег ручья, ближе к деревне. Но Серенака присутствие зрителей беспокоило меньше всего.

– Мальчики! – продолжил инспектор. – Если коротко, дело было так: Жерома Морваля закололи ножом на тропе. От удара в сердце он скончался на месте. Затем убийца отволол его тело на берег, а это примерно шесть метров. После чего пошарил в окрестностях в поисках камня покрупнее – думаю, этот потянет килограммов на двадцать, – вернулся и разбил Морваля голову. Но и это еще не все. Обратите внимание, в какой позе лежит убитый. Головой в воде! Не слишком естественное положение, не так ли?

– Так вы же сами только что сказали, патрон, – сердито пробурчал Мори, – что убийца стукнул Морваля камнем по башке. Тот упал и плюхнулся головой в воду.

– Чисто случайно, ага! – иронически заметил Серенак. – Его бьют по голове, и он оказывается этой самой головой в ручье. Нет, ребятки, готов держать пари на что угодно, все было не так. Попробуйте взять камень и долбануть Морваля по башке. Прямо тут! Хоть тысячу раз ударьте, труп ни за что не упадет так, как лежит сейчас – чтобы голова ушла под воду на десять сантиметров. Дело, друзья мои, гораздо проще. Здесь произошло тройное убийство, хотя жертвой стал один человек. Я пыряю его ножом – раз! Я проламываю ему череп – два! И я топлю его в ручье – три! – Его губы тронула кривоватая усмешка. – У нашего преступника был очень серьезный мотив. Он буквально до смерти ненавидел Жерома Морваля.

Лоренс Серенак повернулся к Сильвио Бенавидишу:

– Нашему окулисту не повезло. Кто-то решил убить его, да не один раз, а целых три. Но это все же лучше, чем если бы преступник убил трех человек по одному разу.

Серенак подмигнул инспектору Бенавидишу, который выглядел все более потерянным.

– Я не собираюсь сеять в деревне панику, – продолжил он, – но картина преступления ясно свидетельствует о преднамеренном характере. Вы только посмотрите на... ну не знаю, на композицию, что ли. Он как будто картину писал! Продумал каждую деталь. И

место выбрано со смыслом – деревня Живерни. И орудия убийства – нож, камень, вода...

– Неужели месть? – предположил Бенавидиш. – Или что-то типа ритуального убийства?

– Не знаю, – признался Серенак. – Посмотрим. Пока ничего не понятно. Мы не видим во всем этом никакого смысла. Мы – но не преступник.

Лувель вяло оттеснял с моста зрителей. Сильвио Бенавидиш стоял молча, но лицо выдавало напряженную работу мысли. Он явно пытался обдумать сказанное Серенаком и отделить в его словах здоровые зерна от плевел провокации.

Внезапно из-за тополей к ним метнулась темная тень, проскочила под лентой ограждения и подбежала к берегу. Агент Мори попытался ее удержать, но она оказалась быстрее.

Немецкая овчарка!

Пес остановился рядом с Серенаком и принялся тереться о его ноги, весело помахивая хвостом.

– Эге-ге! – сказал инспектор. – А вот и наш первый свидетель.

Он повернулся к толпящимся на мосту жителям деревни Живерни:

– Кто-нибудь в курсе, чья это собака?

– Конечно! – тут же отозвался пожилой мужчина в вельветовых брюках и твидовом пиджаке – наверное, художник. – Это же Нептун. Наш, деревенский. Он ничей, в смысле – общий. С мальчишками бегают. Туристов встречает. Его тут каждый знает.

– Ну, здравствуй, мой хороший, – сказал Серенак, присаживаясь перед псом на корточки. – Значит, ты наш первый свидетель? Тогда скажи-ка мне: ты видел убийцу? Запомнил его? Ладно, я тебя вызову попозже, сниму показания. А пока у меня тут еще работенка...

Инспектор отломил ветку ясеня и швырнул на несколько метров. Нептун с готовностью включился в игру – побежал за палкой, схватил в зубы и вернулся. Сильвио Бенавидиш изумленно наблюдал за дурачествами шефа.

Серенак, успев подняться на ноги, внимательно озирает окрестности: сложенные из кирпича и глины мостки, мост над ручьем, а сразу за ним – странное двурогое сооружение с фахверковыми стенами, над которым возвышалась пятиэтажная башня. На одной из стен было выбито: «Мельница Шеневьер». «Надо будет обойти близлежащие дома, – подумал он, – опросить возможных очевидцев». Хотя и понимал, что шансов найти свидетеля мало: преступление было совершено около шести часов утра.

– Мишель, попроси публику отойти назад. Людо, дай мне перчатки. Поглядим, что у нашего окулиста в карманах. Тело пока двигать не будем, так что придется замочить ноги.

Серенак скинул кроссовки, снял носки и закатал джинсы. Натянул прозрачные перчатки, что передал ему агент Мори, и ступил голыми ногами в воду.левой рукой опираясь для равновесия о тело убитого, запустил правую в карман куртки, извлек на свет кожаный бумажник и протянул Бенавидишу. Помощник открыл бумажник – внутри лежало удостоверение личности.

Исчезли последние сомнения. Убитого звали Жером Морваль.

Серенак продолжал шарить в карманах трупа. Носовые платки. Ключи от машины. Каждая новая находка переходила из одной затянутой в перчатку руки в другую затянутую в перчатку руку и завершала свой путь в пластиковом контейнере.

– Черт, а это что еще за...

Пальцы Серенака извлекли из кармана куртки покойника смятый клочок картона. Инспектор присмотрелся. Почтовая открытка. На лицевой стороне – репродукция картины Моне «Водяные лилии», они же «Нимфеи», они же «Кувшинки». Эту в голубых тонах. Таких открыток в мире продаются миллионы. Серенак перевернул ее.

Текст, написанный печатными буквами, отличался лаконичностью: «ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!»

Сразу под этими пятью словами была приклеена узкая полоска бумаги, явно вырезанная из какой-то книги. *Преступно мечтать,*

ждет виновного кара.

Что за чертовщина?

От ледяной воды у Серенака свело щиколотки, словно на них защелкнулись стальные наручники. Подняв голову к зевакам, толпившимся вокруг старых мостков, как на остановке в ожидании автобуса, он крикнул:

– У Морваля были дети? Лет десяти-одиннадцати?

Проворнее всех снова оказался художник в вельвете и твиде:

– Нет, господин комиссар. Точно нет.

Вот зараза.

Поздравительная открытка перекочевала в руки инспектора Бенавидиша. Серенак еще раз оглядел окрестности. Мостки. Мельница. Мост. Деревня Живерни – она как раз только-только начала просыпаться. Вдали едва виднеется сад Моне. Луг. Шеренги тополей.

Низкие облака, плывущие над кронами деревьев.

И странные слова, мгновенно впечатавшиеся в память.

Преступно мечтать, ждет виновного кара.

Его внезапно охватило чувство, что в этом импрессионистском пейзаже с открытки явно что-то не так.

3

Я стояла у окна мельницы Шеневьер и сверху наблюдала за полицейскими. Тот, что был в джинсах, – по всей видимости, старший – все еще стоял босыми ногами в воде. Трое других остались на берегу. Вокруг толкались деревенские жители – человек тридцать дураков, которых хлебом не корми, дай поглазеть хоть на что-нибудь. Театр им тут, что ли?

Я невольно улыбнулась. Чем я от них отличаюсь? Тоже глазею, только запаслась билетом на лучшие места. Я их вижу, они меня – нет.

У меня вырвался короткий нервный смешок.

Что делать дальше?

Полицейские вытащили из белого фургона большой пластиковый мешок – судя по всему, собираются упаковать труп. В голове по-прежнему упрямо вертелся вопрос: что я должна делать? Пойти сдать полиции? Или рассказать комиссару из Вернона все, что мне известно?

Но разве полицейские поверят бредням полоумной старухи? Может, лучше затаиться и выждать? Хотя бы несколько дней. Всего несколько дней. Понаблюдать за происходящим. Незаметной серой мышкой пошмыгать тут и там, посмотреть, как будут развиваться события. Ну и конечно, надо поговорить с вдовой Жерома Морваля, с Патрисией. Это я просто обязана сделать.

А вот беседовать с полицией...

Внизу, на берегу ручья, трое полицейских потащили из воды труп Жерома Морваля. Ни дать ни взять здоровенный кус замороженного мяса, сочащийся кровью. Нелегко им, бедняжкам. Они напомнили мне рыбаков, поймавших слишком крупную рыбину. Четвертый, тот, что все так же стоял в воде, смотрел, как они волокут тело. Мне показалось или он улыбался? Насколько я могла судить, глядя издали, вся эта история его веселила.

А может, я напрасно терзаю себя сомнениями? Если я поговорю с Патрисией Морваль, то велик риск, что остальные догадаются. В первую очередь, – полиция. Вдова – известная болтушка. В отличие от меня. В том смысле, что я еще не вдова. Вернее говоря, не совсем вдова.

Я ненадолго прикрыла глаза. Всего на минуточку.

Решено.

Я не стану разговаривать с полицейскими. Превращусь в серую мышку. Пусть даже на несколько дней. В конце концов, если они

захотят меня найти, сами найдут. Я уже не могу быстро бегать – в мои-то годы. Догадаются они пойти за Нептуном? Я открыла глаза и посмотрела на свою собаку. Пес залег в зарослях папоротника, в паре десятков метров от полицейских. Я знаю, что он не менее внимательно, чем я, изучает место преступления.

Да, я все решила правильно. Выжду некоторое время – хотя бы до тех пор, пока не овдовею. Надо же соблюсти минимум приличий, да? Потом буду действовать по обстоятельствам. Когда-то давно я читала один чрезвычайно оригинальный детектив. Действие в нем происходило в каком-то английском поместье, но описывалось с точки зрения кота. Да-да, именно кота! Он был свидетелем всех событий, и на него, естественно, никто не обращал внимания. Можно сказать, что этот кот по-своему вел расследование – слушал, смотрел, вынюхивал... Автор так здорово закрутил сюжет, что я не удивилась бы, если бы убийцей оказался тот самый кот. Но не буду выдавать вам тайну, вдруг когда-нибудь сами прочтете эту книжку. Я просто хочу сказать, что намерена стать кем-то вроде этого кота – существом, которое все видит и слышит, оставаясь вне подозрений.

Я снова выглянула в окно.

Труп Морваля уже почти засунули в пластиковый мешок, напоминавший сытую анаконду. Из-за не до конца застегнутой молнии из анаконды выглядывала только макушка жертвы. Трое полицейских стояли, тяжело дыша. Мне показалось, что они ждут разрешения начальника, чтобы достать сигареты и закурить.

День второй
14 мая 2010 года
(Мельница Шеневьер)
Тыканье

4

Как же они меня достали со своей писаниной! Я раскладываю на тумбочке больничной палаты разноцветные листки. Рецепты, справка о медицинской страховке, свидетельства о браке и о собственности на дом, результаты анализов... Рассовываю документы по конвертам из крафт-бумаги. Часть из них потребуется больнице, но не все. Остальное взвешу и отправлю с почты в Верноне. Ненужные бумажки убираю в белую папку. Заполнила я не все – не во всем разобралась, так что нужно будет уточнить кое-что у медсестер. Они меня уже хорошо знают. Вчера я провела здесь несколько часов – с середины дня до позднего вечера.

Я сидела в палате номер 126, изображая из себя без пяти минут вдову, скорбящую об умирающем муже, и слушала их оптимистичные прогнозы. Разумеется, лживые.

Моему мужу крышка, это очевидно. Если бы они знали, до какой степени мне на это плевать.

Скорее бы все кончилось. Это единственное, о чем я прошу.

Прежде чем уйти, я приблизилась к висящему слева от входной двери зеркалу в облупленной золоченой раме. Вгляделась в свое морщинистое застывшее лицо. Мертвое лицо. Закутала голову широким черным шарфом, похожим на чадру. Старухам следует закрывать лицо – никому не хочется на них смотреть. Даже здесь, в Живерни. Особенно здесь, в этой деревне, ставшей символом света и ярких красок. Старухи обречены жить в тени, во тьме и мраке. Они

никому не нужны. Их никто не замечает. Никто не помнит об их существовании.

Это меня устраивает.

Я в последний раз осмотрелась и спустилась вниз со своего донжона – так в Живерни называют башню мельницы Шеневьер. Донжоном. Перед уходом еще раз машинально проверила, все ли вещи на своих местах, и тут же обругала себя за глупость. Сюда больше некому приходить. Я прекрасно это знаю, но тем не менее с маниакальной дотошностью навожу в башне порядок. По телевизору говорили, что такое поведение именуется навязчивым состоянием. Нечто вроде нервного тика. Правда, он никому не мешает. Кроме меня самой.

В самом темном углу глаз кое за что зацепился. По-моему, картина слегка перекосилась. Я медленно пересекла комнату. Так и есть. Чуть потянула раму за правый нижний угол и выровняла ее.

Мои «Кувшинки».

Черные.

Я специально повесила картину в таком месте, чтобы ее не было видно в окна. Как будто кто-то способен заглянуть в окно пятого этажа башни над нормандской мельницей.

Это мое убежище.

Картина висит в наименее освещенном, так называемом слепом углу. В сумраке темные пятна на серой поверхности пруда кажутся еще чернее.

Цветы скорби.

Самые мрачные из всех, что когда-либо изображала кисть художника.

Я с трудом спустилась по лестнице и вышла на улицу. Нептун ждал меня во дворе мельницы. Я выставила вперед палку, чтобы он ко мне не бросился, – эта псина не понимает, что мне и так нелегко

сохранять равновесие. Я старательно закрыла дверь на три замка, опустила ключи в сумку и еще раз проверила запоры.

Только после этого я обернулась. С большого вишневого дерева во дворе опадали последние лепестки. Говорят, этой вишне сто лет. Говорят, она застала Моне! В Живерни обожают вишню. Вдоль парковки перед Музеем американского искусства, который год назад переименовали в Музей импрессионизма, высадили длинный ряд вишневых деревьев. Вроде бы японских. Маленьких, карликовых. Мне это кажется странным. Зачем здесь эта экзотика? Как будто своих вишен мало. Но разве их поймешь? Говорят, что американские туристы страсть как любят смотреть на вишни в весеннем розовом цвету. Если бы меня спросили, я бы сказала, что розовые лепестки, засыпавшие парковку и крыши автомобилей, слишком явственно напоминают стиль Барби, но кому интересно мое мнение?

Я покрепче прижала конверты к груди, чтобы Нептун не хватанул зубами. С трудом переставляя ноги, двинулась вверх по улице Коломбье. Я шла не спеша и в тени увитого плющом портика перед входом в гостиницу остановилась передохнуть. Автобус на Вернон отходит через два часа. У меня полно времени. Вполне можно поиграть в маленькую серую мышку.

Я свернула на улицу Клода Моне. Вдоль каменных фасадов тянулись штокрозы и оранжевые ирисы, не хуже чертополоха пробившие гудроновое покрытие. Еще один символ Живерни. Я продвигалась со скоростью восьмидесятилетней старухи, коей и являюсь. Нептун, как всегда, удрал далеко вперед. Наконец я добрела до гостиницы «Боди». В окнах самого знаменитого в Живерни заведения висели афиши, сообщавшие о проведении выставок и фестивалей. Размер афиш точно соответствовал размеру оконных проемов. Если задуматься, выглядело это довольно странно. Меня всегда занимал вопрос: что это – простое совпадение, результат сознательных усилий по подгонке одного к другому или ясновидение архитектора, точно предугадавшего в девятнадцатом веке размер стандартных рекламных афиш в будущем.

Впрочем, подозреваю, что вас эта загадка не слишком интересует. Напротив отеля за столиками кафе под оранжевыми зонтиками сидели на зеленых чугунных стульях два-три десятка посетителей, очевидно желающих испытать те же чувства, что когда-то переполняли колонию американских художников, поселившихся здесь сто лет назад. Еще одна странность, если задуматься. В девятнадцатом веке американские художники приезжали сюда, в крошечную нормандскую деревушку, в поисках покоя и вдохновения. Сегодняшняя Живерни способна подарить вам что угодно, только не покой. Лично я сегодняшней Живерни вообще не понимаю.

Я села за свободный столик и заказала чашку черного кофе. Его принесла мне незнакомая официантка – видать, приехала подработать в сезон. Одета она была в короткую юбку и жилетку а-ля импрессионизм – с вышитыми на спине лиловыми кувшинками.

Носить на спине лиловые кувшинки – ну разве это не странно?

Я много лет наблюдала за всеми преобразованиями в Живерни, и у меня иногда возникает ощущение, что наша деревня превратилась в большой парк аттракционов. Парк впечатлений, если хотите. Из импрессионизма здесь постарались выжать все, что только можно. Я сидела и тихо вздыхала – настоящая старая ведьма, привыкшая ворчать себе под нос. Вокруг собралась самая разношерстная публика. Молодая парочка читала путеводитель. Трое мальчишек лет пяти возились на дорожке из гравия – должно быть, родители в это время думали, что вместо пруда с лягушками им следовало отвезти своих отпрысков в бассейн. Увядавшая американка на голливудском диалекте французского языка пыталась заказать себе чашку кофе по-льежски.

Они тоже были здесь.

Двое из них. Сидели в трех столиках от меня. То есть метрах в пятнадцати. Разумеется, я их сразу узнала – успела хорошенько разглядеть из окна мельничной башни. Инспектор, не побоявшийся

замочить ноги во время осмотра трупа Жерома Морваля, и его робкий помощник.

Ясное дело, они глазели на молоденькую официантку. Похожая на серую мышку старуха не привлекла их внимания.

5

Инспектор Серенак смотрел на отель «Боди» через солнечные очки. Фасад отеля казался ему нарисованным сепией, а ножки хорошенькой официантки, сновавшей между столиками, приобрели золотистый оттенок хорошо пропеченного круассана.

– Окей, Сильвио. Значит, ты еще раз проверишь, не осталось ли улик возле ручья. Знаю, основное уже отправили в лабораторию – слепки следов, камень, тело Морваля и прочее. Но мы могли что-то упустить. Не спрашивай меня, что именно, я сам не знаю. Просто сходи туда еще раз и все осмотри – мостки, деревья, мост. Заодно поищи свидетелей. А мне придется нанести визит вдове, Патрисии Морваль. Ничего не подделаешь. Тебе что-нибудь известно об этом самом Жероме Морвале?

– Да, Лора... э-э, патрон.

Сильвио Бенавидиш извлек из-под стола папку. Серенак проводил глазами официантку.

– Выпьешь что-нибудь? Пастис? Белое вино?

– Нет, я ничего не буду.

– Что, даже кофе не выпьешь?

– Ничего. Не беспокойтесь.

Но голос Бенавидиша выдавал колебание.

– Ладно, чаю выпью.

Лоренс Серенак поднял руку, подзывая официантку.

– Мадемуазель? Один чай и один бокал белого. У вас есть гайак?

[1] – Он повернулся к помощнику: – Неужели так трудно называть меня на «ты»? Сильвио, я что, намного тебя старше? Мы с тобой в

одном звании. Если я четыре месяца возглавляю комиссариат Вернона, это еще не значит, что мне обязательно надо говорить «вы». У нас на юге даже патрульные обращаются к комиссару на «ты».

– А у нас на севере нет. У нас дела так быстро не делаются. Но вы не волнуйтесь, патрон. Просто надо немного подождать...

– Наверное, ты прав. Сейчас скажешь, что у меня должен пройти период акклиматизации. Но я ничего не могу с собой поделаться. Меня прямо выворачивает, когда собственный зам называет меня «патрон».

Сильвио нервно сжимал пальцы, словно не решался перечесть начальнику.

– Если хотите знать мое мнение, дело не в том, кто с севера, а кто с юга. Вот мой отец, например. Он сейчас на пенсии, а до этого всю жизнь строил дома. По всей стране. И не только во Франции, но и в Португалии. И хозяева всегда обращались к нему на «ты», а он всегда им говорил «вы», даже если они были моложе. Мне кажется, тут вся штука в том, что ты носишь – костюм с галстуком или рабочий комбинезон... Руки у тебя какие – в маникюре или в смазке... Не знаю, понятно я говорю или нет...

Лоренс Серенак распахнул кожаную куртку, надетую на серую майку.

– Сильвио, где ты видишь галстук? Блин, мы оба с тобой инспекторы полиции... – Он громко рассмеялся. – Ну ладно. Сам говоришь, надо подождать. Если честно, мне по душе твоя португальская скромность. Но вернемся к Морвалю. Что у нас есть?

Сильвио уставился в свои записи.

– Жером Морваль – уроженец этой деревни, сумевший выбиться в люди. Его семья переехала в Париж, когда он был ребенком. Морваль-старший тоже работал врачом, терапевтом, но не особенно разбогател. Довольно молодым Жером Морваль женился на некоей Патрисии Шерон. Им обоим тогда не было еще и двадцати пяти. Дальше начинается история его головокружительного успеха.

Малыш Жером окончил медицинский факультет со специализацией по офтальмологии и вместе с пятью коллегами открыл кабинет в Аньере. Тут умирает папаша Морваль. Сынок вложил полученные в наследство денежки в собственный кабинет офтальмологической хирургии в XVI округе Парижа. Если смотреть со стороны, то дела у него шли недурно. Насколько я понял, он считался виртуозом по удалению катаракты, то есть работал в основном с пожилым контингентом. Десять лет назад он решил вернуться в родные пенаты и купил в Живерни один из самых красивых домов – как раз между отелем «Боди» и церковью...

– Дети есть?

Официантка принесла им заказ. Не успел Бенавидиш открыть рот, чтобы продолжить рассказ, как Серенак сказал:

– Хорошенькая, а? И ножки что надо.

Инспектор Бенавидиш пришел в явное замешательство – то ли вздохнуть с сожалением, то ли смущенно улыбнуться.

– Э-э... Ну да... То есть нет... То есть я хочу сказать: нет, у Морвалей не было детей.

– А врагов?

– Морваль вел довольно замкнутый образ жизни. В политику не ввязывался. Ни в каких общественных комитетах не состоял. У него и друзей-то практически не было. Зато был...

– Подожди! – перебил его Серенак и резко повернулся на стуле: – А вот и ты... Ну привет!

Мимо ног Бенавидиша под стол прокралось мохнатое существо. Он вздохнул – на сей раз совершенно искренне. Серенак принялся трепать Нептуна по холке.

– Мой единственный свидетель! – приговаривал он. – Ну здравствуй, Нептун!

Пес явно отзывался на кличку. Помахивая хвостом, он задрал морду, красноречиво глядя на кусок сахара, лежавший на блюде перед Сильвио. Серенак направил на пса указательный палец:

– Веди себя хорошо, договорились? Мы должны дослушать, что говорит инспектор Бенавидиш. И для этого нам понадобится все наше терпение. Сильвио, так на чем ты остановился?

Сильвио заглянул в свои записи и монотонным голосом продолжил:

– У Жерома Морваля было в жизни два увлечения. Он предавался им со всей страстью и посвящал им все свое свободное время.

Серенак гладил Нептуна.

– Теплее...

– Так вот, две страсти. Если вкратце, то это живопись и женщины. В том, что касается живописи, мы, судя по всему, имеем дело с настоящим коллекционером, таким одаренным самоучкой, предпочитавшим, конечно, импрессионистов, что вполне объяснимо. Кроме того, у него была своего рода идея фикс. Я просто пересказываю, что услышал. Жером Морваль мечтал приобрести картину Клода Моне. Но не абы какую. Он хотел «Кувшинки». Вот такой вот окулист.

Серенак шепнул на ухо собаке:

– Нифига себе! Картину Моне! Даже если бы он помог прозреть всем зажиточным дамочкам XVI округа, вряд ли заработанных денег хватило бы на «Кувшинки» Моне. Но, – он перевел взгляд на помощника, – ты говорил про две страсти? Значит, на стороне орла у славного доктора Морваля были картины импрессионистов. А что было на стороне решки? Бабы?

– Все это не более чем слухи... Хотя Морваль не слишком и прятался. Соседи и сотрудники в основном сочувствовали его жене Патрисии. Вышла замуж молодой, целиком материально зависела от мужа – следовательно, на развод надеяться не могла. Ей приходилось на все закрывать глаза. Ну вы же понимаете, патрон...

Серенак одним глотком опустошил свой бокал.

– Если я патрон, то это и правда гайак, – скривившись, ответил он. – Но я тебя отлично понял, Сильвио. И знаешь что? Этот доктор начинает мне нравиться. Тебе удалось добыть пару-тройку имен? Его

любовниц или мужей-рогоносцев? Желательно с преступными наклонностями?

Сильвио поставил на блюдце чашку чая. Нептун смотрел на него влажными глазами.

– Пока нет. Но в том, что касалось любовниц, у Жерома Морваля тоже был пунктик.

– Да ну? Какая-нибудь неприступная красавица?

– Что-то в этом роде. Держитесь за стул, патрон. Это местная учительница. Говорят, первая красавица на деревне. И он вбил себе в голову, что должен добавить ее к списку своих трофеев.

– И?

– Больше я ничего не знаю. Это все, что мне удалось выяснить у его коллег, секретарши и трех галеристов, с которыми он часто вел дела. Это, так сказать, версия самого Морваля...

– А учительница замужем?

– Да. И ее муж чрезвычайно ревнив.

Серенак повернулся к Нептуну:

– Видал? Нашему Сильвио палец в рот не клади! Это он только на вид тормоз тормозом, а на самом деле гигант мысли.

Он поднялся. Овчарка, словно ждала лишь сигнала, вылезла из-под стола и умчалась вперед по улице.

– Значит, так, Сильвио. Отправляйся-ка к ручью. Надеюсь, ты прихватил сапоги и сеть? А я пойду выражать соболезнования вдове Морваля. Улица Клода Моне, семьдесят один? Я правильно запомнил?

– Правильно. Но вы не ошибетесь. Живерни – небольшая деревня. Здесь всего две длинные улицы, и они расположены параллельно одна другой. Первая – Клода Моне – тянется через всю деревню. Вторая – это шоссе Руа – дорога в ведении департамента, она идет вдоль ручья. Между ними есть улочки, но маленькие и прямые, так что запутаться трудно.

Мимо процокала каблучками хорошенькая официантка, направляясь с улицы Клода Моне к бару. На фоне стен гостиницы

«Боди» – кирпич и терракота – освещенные солнцем штокрозы казались мазками пастели. Серенак решил, что эта картина ему нравится.

6

Сильвио не ошибся. Дом номер 71 был, вне всякого сомнения, самым примечательным на улице Клода Моне. Желтые ставни, увитый диким виноградом фасад, красивое сочетание обтесанного камня и фахверка, на подоконниках герани в огромных горшках. Одним словом, чистый импрессионизм! Или Патрисия Морваль хорошо разбиралась в тонкостях декора, или имела в своем распоряжении небольшую армию опытных специалистов, недостатка в которых, скорее всего, в Живерни не ощущалось.

На деревянном крыльце висел на цепочке медный колокольчик. Серенак позвонил, и дубовая дверь почти мгновенно распахнулась. Похоже, Патрисия его ждала. Чуть посторонившись, женщина пропустила инспектора в дом.

Серенак всегда придавал большое значение моменту знакомства с людьми, так или иначе вовлеченными в расследование. Так сказать, *первому впечатлению*. Оно давало бесценный шанс прощупать собеседника, составить его психологический портрет. Вот и сейчас он намеревался взять мадам Морваль, что называется, тепленькой. Кто она такая? Несчастливая женщина, обманутая мужем, или равнодушная мещанка? Раздавленная судьбой одинокая душа или веселая вдова? Она ведь изрядно разбогатела. И обрела свободу. Теперь, пусть и задним числом, ей ничего не стоит отомстить покойному супругу за все перенесенные унижения. Искренне она скорбит или притворяется? Но с ходу разобраться, что тут к чему, инспектору не удалось – глаза Патрисии Морваль прятались за толстыми линзами очков. Он отметил лишь, что глаза эти красные.

Серенак ступил в коридор, вернее, в огромный, хоть и узкий холл, конец которого уходил вглубь дома, и тут же остановился, пораженный. Обе стены закрывали гигантские – не меньше пяти метров в длину – копии довольно редкого варианта «Кувшинок»: красно-золотая гамма, ни неба, ни ивовых ветвей. Насколько помнил Серенак, эта версия картины относилась к заключительному этапу творчества Моне, то есть к 1920-м годам. Логика художника угадывалась достаточно просто: он стремился максимально сфокусировать взгляд на небольшом, всего в пару квадратных метров, участке пруда, убрав с полотна все лишнее. Не вызывало сомнений, что оформление холла копировало Оранжери, хотя до стометровых стен парижского музея, сплошь увешанных «Кувшинками», дому окулиста было далеко.

Серенак вошел в гостиную. Это была обставленная в классическом стиле комната, в глаза бросалось разве что обилие разнородных безделушек. Но в первую очередь внимание гостя привлекали картины на стенах. Их было с десяток, и все – оригиналы. Познаний Серенака хватило, чтобы узнать работы авторов, начавших в последние годы приобретать известность как в художественном, так и в финансовом мире. Гребонваль, Ван Мейлдер, Габар... Судя по всему, Морваль обладал тонким вкусом и хорошим чутьем и вкладывал деньги в перспективных художников. Если вдова сумеет отогнать от себя стервятников, которые наверняка слетятся на запах свежей крови, то о своем будущем ей волноваться не придется.

Инспектор сел. Патрисия явно нервничала – она сновала туда-сюда по гостиной, без нужды переставляя с места на место разные вещицы. Пурпурного цвета костюм делал ее молочно-белую кожу какой-то безжизненной. Серенак дал бы ей лет сорок, может, чуть меньше. Далеко не красавица, она тем не менее обладала определенным шармом – возможно, благодаря своей безупречной ухоженности. Вряд ли способна обворожить, думал полицейский, но впечатление производит.

– Инспектор, – заговорила она, – вы абсолютно уверены, что речь идет об убийстве? – Голос был высокий, не слишком приятный на слух.

– Мне уже рассказали о том, что произошло, – продолжила она. – Ведь это вполне мог быть несчастный случай. Жером споткнулся, упал, ударился головой о камень и рухнул лицом в воду...

– Мы ничего не исключаем, мадам. Во всяком случае, до тех пор, пока не получим протокол вскрытия. Однако не стану от вас скрывать: на данном этапе расследования мы рассматриваем убийство в качестве основной версии.

Патрисия Морваль вертела в руках бронзовую статуэтку Дианы-охотницы, которую взяла с буфета. Серенак решил перехватить инициативу и принялся задавать вопросы, на которые Патрисия Морваль отвечала своим почти прониженным голосом монотонно и односложно, по три раза повторяя одно и то же слово.

– У него были враги?

– Нет. Нет, нет.

– Не замечали ли вы в последние дни каких-либо странностей?

– Нет. Нет.

– У вас большой дом. Ваш муж постоянно жил здесь?

– Да... Да. И да и нет.

Серенака такой ответ не устроил.

– Расскажите об этом подробнее, мадам, прошу вас.

У инспектора возникло ощущение, что каждое слово ему придется вытягивать клещами.

– Жером редко появлялся здесь на неделе. У него квартира рядом с медицинским кабинетом в XVI округе. На бульваре Сюше.

Инспектор записал адрес, отметив про себя, что это в двух шагах от музея Мармоттан-Моне. Наверняка не случайное совпадение.

– Значит, ваш муж часто не ночевал дома?

После долгого молчания она выдавила:

– Да.

Патрисия Морваль принялась перебирать тонкими пальцами букет свежих цветов в вазе с японскими мотивами. А Лоренсу Серенаку в голову пришла неожиданная мысль: эти цветы обречены на увядание. Скоро стены гостиной увидят их смерть. И гармония красок сгинет, припорошенная пылью времени.

– Детей у вас нет?

– Нет.

Теперь немного помолчал он.

– А у вашего мужа? Я имею в виду, от других женщин?

– Нет. – Патрисию Морваль выдал голос, резко понизившийся на целую октаву.

Серенак не спешил. Он достал из кармана открытку с «Кувшинками», найденную в кармане Жерома Морваля, и протянул ее вдове. Патрисия прочитала пять слов, написанных печатными буквами: «ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ».

– Мы нашли эту карточку в кармане вашего мужа, – уточнил инспектор. – У вас есть родственники? Друзья, имеющие детей? Для кого из них ваш муж мог приобрести эту открытку?

– Нет. Никто не приходит на ум. Правда никто.

Серенак дал ей еще немного подумать и лишь затем спросил:

– А откуда эта цитата?

Патрисия перевела взгляд на открытку и прочитала странную фразу: *Преступно мечтать, ждет виновного кара.*

– Понятия не имею. Мне очень жаль, инспектор, но...

Казалось, она искренне огорчена, что не в силах ему помочь. Серенак положил открытку на стол.

– Это фотокопия, так что я оставляю ее вам. Оригинал пока побудет у нас. А вы все-таки подумайте. Если вдруг что-то вспомните...

Патрисия Морваль почти прекратила свои судорожные метания по комнате. Как муха, до которой наконец дошло, что ей ни за что не выбраться из перевернутого вверх дном стакана.

– У вашего мужа случались неприятности? – задал Серенак очередной вопрос. – Я имею в виду, в профессиональной сфере? Ну,

я не знаю, какая-нибудь неудачно проведенная операция? Недовольный пациент? На него не подавали жалоб?

Муха вдруг оживилась.

– Конечно, нет! – с неожиданной злостью отозвалась она. – Никогда! На что вы намекаете?

– Нет-нет, я ни на что не намекаю, уверяю вас, – замахал руками инспектор.

Он перевел взгляд на картины на стенах.

– У вашего мужа определенно был художественный вкус. Как вы полагаете, он мог быть вовлечен в какие-либо... э-э... махинации – возможно, против собственной воли?

– Что вы хотите сказать?

Голос вдовы снова поднялся в верхний регистр, резанув инспектора по ушам. Классика жанра, подумал он. Патрисия Морваль не желает признавать, что ее мужа убили. Допустить, что он пал жертвой убийцы, для нее означает согласиться, что кто-то ненавидел его так сильно, что пошел на преступление. Следовательно, его было за что ненавидеть? Серенак не собирался расстраивать вдову, но считал необходимым осветить темные стороны жизни убитого.

– Я ничего не хочу сказать, – ответил он. – Я просто пытаюсь найти след, мадам Морваль. Мне говорили, что у него была... э-э... своего рода навязчивая идея. Приобрести полотно Моне... Это так?

– Да, вы правы, инспектор. Он мечтал купить Моне. У Жерома была репутация одного из лучших экспертов по творчеству Моне. И да, он мечтал приобрести его картину. Не забывайте, он работал как одержимый. Его высоко ценили. И коллеги, и пациенты. Разве он не заслуживал, чтобы его мечта осуществилась? Кроме того, он не просто жаждал заполучить Моне. Он мечтал о «Кувшинках». Не знаю, способны ли вы это понять, но Жером хотел стать обладателем картины, написанной здесь, в Живерни. В его родной деревне.

Слушая тираду вдовы, Серенак напряженно размышлял. *Первое впечатление!* Он разговаривал с Патрисией Морваль всего

несколько минут, но уже начал понимать, что она искренне скорбит по мужу. И причиной этой скорби был не страх остаться одной, а горячая, даже страстная любовь.

– Простите, мадам Морваль, что надоедаю вам вопросами. Но ведь у нас с вами одна цель – найти убийцу вашего мужа. Поэтому я вынужден задавать вам все эти вопросы, в том числе и самого личного свойства.

Патрисия Морваль замерла, нечаянно повторив позу ню на картине Габара, висевшей на противоположной стене.

– Ваш муж не всегда был вам... э-э... верен. Как вы думаете?..

Серенак ощутил, как напряглась Патрисия. Она не заплакала, но лишь потому, что в ее душе поднялась буря возмущения.

– Мы с мужем, инспектор, – перебила она его, – познакомились детьми. Он долго за мной ухаживал, но у него были и другие увлечения. Прошло много лет, прежде чем я ответила ему согласием. Надо вам сказать, в молодости он был не из тех, по кому девчонки сходят с ума. Не знаю, как вам это объяснить. Он всегда был очень серьезным, а его считали занудой. В отношениях с женщинами он страшно робел, а такие вещи сразу чувствуются. С годами он обрел уверенность в себе и стал гораздо более привлекательным. Полагаю, инспектор, я сыграла в этом не последнюю роль. Кроме того, у него появились средства. Если хотите, Жером отчасти брал у женщин реванш за юношеские неудачи. У других женщин, но не у меня. Не знаю, способны ли вы это понять.

«Куда уж мне», – подумал Серенак, одновременно соображая, как бы вывести ее на нужный ему путь. Заставить назвать имена, даты, факты.

Ладно, подождем...

– Мне хотелось бы, инспектор, чтобы вы проявили чуть больше такта, – продолжила Патрисия. – Живерни – маленькая деревня, нас здесь всего несколько сот жителей. Не убивайте Жерома второй раз. Не пачкайте его память. Он этого не заслужил.

Лоренс Серенак согласно кивнул.

Первое впечатление... Что ж, он его составил. Патрисия Морваль любила своего мужа. И не пошла бы на убийство ради денег.

А ради любви?

Как ни странно, именно цветы в японской вазе помогли ему сформулировать смутную мысль. Время в этом доме остановилось. Как будто в нем разбились часы. В каждом квадратном сантиметре гостиной все еще витал дух Жерома Морваля – его одного. И так теперь будет всегда. Никто никогда не перевесит картины на стенах. Никто не откроет ни одной книги из книжного шкафа. Все останется без изменений, как в заброшенном музее, посвященном человеку, о котором все забыли. Коллекционер-любитель без наследников. Дамский волокита, по которому не заплачет ни одна из его пассий. Кроме жены, разумеется. Жены, которую он обманывал.

Человек потратил жизнь на сбор чужих полотен. Кому они теперь нужны?

Выйдя из дома 71, инспектор сощурился от яркого света. Не прошло и трех минут, как в конце улицы Клода Моне показалась тощая фигура. Башмаков на Сильвио не было, обшлага брюк намокли и запачкались. Серенак усмехнулся. Классный парень этот Сильвио Бенавидиш. Прикидывается послушным исполнителем, а сам хитрец, каких еще поискать. Лоренс Серенак нацепил солнечные очки и наблюдал, как помощник, сопровождаемый длинной тенью на стенах домов, приближается к нему. Строго говоря, Сильвио был не тощим, а скорее узким, что подтверждалось намеком на брюшко, едва заметно выпирающее из-под заправленной в светлые полотняные брюки клетчатой рубашки, застегнутой на все пуговицы. В профиль парень шире, чем анфас, насмешливо подумал Лоренс. Человек-цилиндр! Кстати, это его совсем не портило, даже наоборот. Издалека он напоминал ствол молодого гибкого деревца, которое гнетса, но не ломается.

Подошел Сильвио; он улыбался. Что Лоренсу не нравилось в помощнике, так это его прическа – Сильвио или зачесывал свои

короткие жесткие волосы назад, или укладывал их на прямой пробор, становясь похожим на семинариста. Неужели трудно сделать нормальную стрижку? Сильвио Бенавидиш остановился перед Лоренсом, оперев руки в бока.

– Ну что, патрон? Как вам вдова?

– Вдова-то? О, вдова что надо! Вдовее не бывает! А как твои успехи?

– Ничего нового. Поговорил с соседями. Все спали – никто ничего не слышал. Вещдоки уже в лаборатории. А мы что? Возвращаемся?

Серенак взглянул на часы. Половина пятого.

– Ну да... Хотя... Вот что, ты возвращайся, а у меня еще одна встреча.

Заметив удивление на лице коллеги, он уточнил:

– Не хотелось бы пропустить окончание уроков в школе.

Кажется, Сильвио Бенавидиш все понял.

– Надеетесь отыскать ребенка, которому скоро исполняется одиннадцать лет?

Серенак подмигнул помощнику:

– Можно и так сказать. Но главное – хочу посмотреть на жемчужину импрессионизма. Ту самую учительницу, о которой Жером Морваль мечтал с такой же страстью, как о картине Моне.

7

Я ждала автобуса под тополями на небольшой площади перед мэрией и школой. Это у нас в деревне самое тенистое местечко, а от улицы Клода Моне его отделяет всего несколько метров. На остановке я была практически одна. Странная у нас деревня: достаточно сделать пару шагов, и из несусветной толкучки – очереди перед музеями и художественными галереями, которые публика берет штурмом, – попадаешь в царство сельской тишины и покоя.

Автобусная остановка – рядом со школой. Во дворе за решетчатой оградой играют детишки. Нептун сидит под тополем чуть поодаль – ждет, когда малышню выпустят из клетки. Нептун любит играть с ребятней.

Прямо напротив школы находится художественная мастерская под названием *Art Gallery Academy*. Академия, подумать только! На стене висит выписанный огромными буквами девиз: «НАБЛЮДЕНИЕ И ВООБРАЖЕНИЕ». Целая программа! Весь день напролет из галереи выходят хромые старикашки в соломенных шляпах или панамах и тут же растворяются неизвестно где. Видать, отправляются на поиски вдохновения! На них натыкаешься повсюду, и не заметить их нельзя: они носят на груди красные бейджики, а перед собой толкают старинные коляски с мольбертами.

Вам это не кажется нелепым? Кто бы мне объяснил, почему наше сено, наши птицы на деревьях и вода в нашей реке не такого цвета, как везде?

Мне это представляется непостижимым. Наверное, я слишком глупа – или слишком долго прожила в этих местах. Да, скорее всего, дело именно в этом. Так бывает, если, например, слишком долго живешь с очень красивым человеком. Как бы то ни было, оккупанты с бейджиками не уезжают, как остальные, на шестичасовом вечернем автобусе. Они шатаются по улицам до поздней ночи, ночуют здесь и снова выходят на заре. По большей части все они американцы. Конечно, я всего лишь вздорная старуха, вынужденная наблюдать за всем этим цирком через свою катаракту, но разве постоянное дефиле этих пожилых чудиков перед школой может не привлечь внимания детворы? И что дети должны о них думать? Ну разве я не права?

Инспектор углядел под тополем Нептуна. Надо же, как успели подружиться! Полицейский принялся шутливо дразнить и тут же ласково гладить пса. Я сидела на лавке неподвижно, как изваяние. Наверное, вам покажется странным, что такая старуха, как я, целыми

днями разгуливает по Живерни, но никто ее не замечает. Тем более – полицейские. Не верите? Попробуйте проделать такой опыт. Пойдите в какое-нибудь людное место – все равно куда, да хотя бы на один из парижских бульваров или на площадь возле деревенской церкви, – пристройтесь где-нибудь в уголке и понаблюдайте за народом в течение минут десяти. Попробуйте посчитать, сколько стариков пройдет мимо вас. Вы поразитесь, как их будет много – значительно больше, чем молодых. Почему? Во-первых, потому – и нам об этом уже прожужжали все уши, – что мир действительно стареет. Во-вторых, потому, что старикам нечего делать, вот они и шляются по улицам. А в-третьих, и это самая главная причина, потому что на них никто и не глядит. Кто из прохожих способен привлечь внимание? Девушка в короткой майке, открывающей пупок; хорошо одетый мужчина, торопливо шагающий с портфелем в руке; группа горластых подростков, занявшая весь тротуар; мамаша с коляской... Но старик или старуха? Да никогда. Они сродни невидимкам. Они так медленно шаркают, что сливаются с пейзажем, словно дерево или фонарь. Можете проверить сами. Потратьте десять минут своего драгоценного времени, и сами во всем убедитесь.

Но вернемся к нашему делу. Поскольку я обладаю привилегией смотреть, оставаясь невидимой, то могу признаться, что молодой сыщик выглядит обворожительно. Короткая кожаная куртка, линялые джинсы в обтяжку, трехдневная щетина, взлохмаченные светлые волосы, похожие на пшеничное поле после грозы... Ничего удивительного, что меланхоличные учительницы интересуют его куда больше, чем полоумные деревенские старухи.

В последний раз погладив собаку, Лоренс Серенак направился к школе. Ему оставалось пройти всего ничего, когда из школьных дверей вылетела и пронеслась мимо него стайка детворы от мала до велика – человек двадцать.

Дикие звери, вырвавшиеся на свободу.

Впереди бежала девочка лет десяти с двумя косичками. Нептун понесся за ней. Компания устремилась к улице Бланш-Ошеде-Моне, проскочила на другую сторону и исчезла на улице Клода Моне. Площадь перед мэрией снова опустела. Инспектор прошел оставшиеся несколько метров до школы.

Лоренс Серенак еще долго будет вспоминать об этом чуде. Практически всю жизнь. Будет снова и снова слышать каждый звук – детские крики и шум ветра в тополиных ветвях; будет ощущать каждый запах, видеть белизну камня, увитого побегами вьюнка, и семь ступенек крыльца...

Он не ждал ничего подобного. Он вообще ничего не ждал.

Гораздо позже он поймет, что его поразили контраст. Стефани Дюпен стояла перед дверями школы. Она его не замечала. Лоренс сумел перехватить ее взгляд, направленный в спину детям, с веселым смехом убегающим вдаль по улице. Ему вдруг почудилось, что они уносят в ранцах мечты своей учительницы.

Его охватила легкая, как бабочкино крыло, грусть.

Секундой позже Стефани заметила его присутствие. Ее губы тронула улыбка. В фиалковых глазах вспыхнули искорки.

– Месье?

Стефани Дюпен с ног до головы окатила его своей свежестью. Щедро, не скупясь. Волна свежести, исходившая от нее, коснулась окружающего пейзажа, толп туристов и хохочущих детей на берегу Эпта. Себе она не оставила ничего...

Да, Лоренса Серенака поразили контраст. Потому что вместе со свежестью от нее веяло печалью. Он как будто на миг заглянул в

наполненную сокровищами пещеру, уже понимая, что всю оставшуюся жизнь будет грезить об этом мимолетном мгновении.

Он улыбнулся и, запинаясь, произнес:

– Инспектор Лоренс Серенак. Комиссариат Вернона.

Она протянула ему тонкую руку:

– Стефани Дюпен. Единственная учительница единственного класса деревенской школы.

Глаза у нее смеялись.

Она была очень красивая. Не просто красивая. Пастельного тона глаза переливались оттенками синего и лилового – в зависимости от освещения. Бледно-розовые, словно запачканные мелом, губы. Легкий сарафан открывал почти алебастровой белизны плечи. Не кожа, а фарфор. Длинные светло-каштановые волосы забраны в растрепанный пучок.

Ожившая мечта.

Да, у Жерома Морваля точно был изысканный вкус, и не только художественный.

– Заходите! Прошу вас.

В школе было тепло, но не жарко – не то что на улице. Оказавшись в небольшой классной комнате и осмотрев два десятка парт и стульев, Лоренс почувствовал себя уютно, но в то же время немного неловко, как захватчик, вторгшийся на чужую территорию. На стенах висели огромные карты. Франция, Европа, мир. Красивые карты – судя по всему, старинные. Взгляд инспектора задержался на объявлении над учительским столом.

КОНКУРС ЮНЫХ ХУДОЖНИКОВ

INTERNATIONAL YOUNG PAINTERS CHALLENGE^[2]

Фонд Робинсона

Бруклинская школа искусств и Академия изящных искусств
Пенсильвании (Филадельфия)

Отличный повод начать беседу.

– Ваши ученики участвуют?

Глаза Стефани заблестели.

– Конечно! Каждый год. У нас это почти традиция. Теодор Робинсон был одним из первых американских художников, приехавших в Живерни одновременно с Клодом Моне. Самый преданный постоялец гостиницы «Боди»! Потом он стал профессором искусствоведения в США. По-моему, детям из Живерни сам бог велел участвовать в конкурсе, который устраивает его фонд, разве нет?

Серенак кивнул.

– А какие награды получают победители этого конкурса?

– Несколько тысяч долларов. Но главное – многонедельную стажировку в одной из известных художественных школ. В Нью-Йорке, Токио или Санкт-Петербурге. Города каждый год меняются.

– Недурно... А кому-нибудь из местной детворы уже удавалось победить в конкурсе?

Стефани Дюпен заразительно рассмеялась и дружески хлопнула Лоренса Серенака по плечу.

Он вздрогнул.

– Да что вы! Участвуют тысячи школ со всего мира! Но пробовать все равно надо, верно? А вы знаете, в этой школе когда-то учились сыновья Клода Моне. Мишель и Жан.

– Зато Теодор Робинсон, насколько мне известно, больше никогда не возвращался в Нормандию.

Стефани Дюпен удивленно посмотрела на инспектора. В ее широко распахнутых глазах ему почудилось нечто вроде восхищения.

– Неужели в полицейской школе преподают историю искусств?

– Нет, не преподают. Но разве полицейским запрещено любить живопись?

Она покраснела.

– Один – ноль, инспектор.

Ее фарфоровые скулы окрасились нежно-розовым, напомнив лепестки полевого цветка. Заметнее проступили веснушки. Полыхнул лиловым взгляд.

– Вы совершенно правы, инспектор. Теодор Робинсон скончался от астмы в возрасте сорока трех лет в Нью-Йорке, всего два месяца спустя после того, как написал своему другу Клоду Моне письмо, в котором сообщал о намерении вернуться в Живерни. Во Францию он больше так и не попал. Через несколько лет после его смерти, в тысяча восемьсот девяносто шестом году, его наследники основали фонд и объявили о проведении ежегодного международного конкурса художников. Но вам, инспектор, наверное, это не очень интересно? Не думаю, что вы пришли сюда на лекцию об искусстве...

– Нет. Но я бы ее с удовольствием послушал.

Серенак сказал это с единственной целью – заставить ее покраснеть еще раз. Она не обманула его надежд.

– А вы, Стефани? – продолжил он. – Вы сами рисуете?

Она снова взмахнула руками, едва не коснувшись пальцами его груди. Инспектор сказал себе, что это, должно быть, чисто профессиональный жест – она привыкла втолковывать что-то ученикам, для убедительности дотрагиваясь до них.

Неужели она не понимает, что с ним творится?

Серенаку оставалось лишь надеяться, что он вслед за ней не залется краской.

– Нет, что вы! Я не рисую. Я не... У меня нет таланта.

Ее глаза на краткий миг затуманились.

– А вы? Вы говорите не как вернонец! И имя у вас не здешнее – Лоренс.

– Угадали. Лоренс – это Лоран на окситанском диалекте. Точнее даже, на альбигойском. Меня сюда недавно перевели.

– Тогда добро пожаловать! Альбигойский диалект, говорите? Так, может, ваша любовь к живописи идет от Тулуз-Лотрека? Что ж, у каждого свои художники.

Оба улыбнулись.

– Отчасти вы правы. Лотрек для альбигойцев – то же, что Моне для нормандцев.

– А вы знаете, что Лотрек говорил про Моне?

– Рискую вас разочаровать, но вынужден признаться: я не знал даже, что они были знакомы.

– Были, были! И Лотрек называл импрессионистов мужланами! А Клода Моне как-то обругал придурком. Это правда, он так и сказал. Дескать, надо быть полным придурком, чтобы расходовать свой огромный талант на какие-то пейзажики, вместо того чтобы писать людей!

– Хорошо еще, что Лотрек умер раньше, чем Моне превратился в затворника, писавшего на протяжении тридцати лет одни кувшинки...

Стефани рассмеялась.

– Это как посмотреть. На самом деле Лотрек и Моне в каком-то смысле антиподы. Тулуз-Лотрек прожил жизнь короткую и яркую, и его больше всего интересовали людские пороки. А Клод Моне жил долго, был созерцателем и боготворил природу.

– Возможно, они не совсем уж антиподы? Скорее, один дополняет другого? Очень не хочется выбирать кого-то одного. Нельзя ли заполучить обоих сразу?

Решительно, улыбка Стефани сводила его с ума.

– Вам не удастся сбить меня с толку, инспектор. Я ведь понимаю, что вы пришли сюда не болтать о живописи. Вы расследуете убийство Жерома Морваля, да?

Она грациозно уселась на угол учительского стола и непринужденно закинула ногу на ногу. Сарафан с одной стороны слегка задрался, обнажив часть бедра. Лоренс Серенак почувствовал, что задыхается.

– Мне только одно непонятно, – голосом невинной добродетели произнесла учительница. – Какое отношение к этому имею я?

Автобус остановился прямо напротив мэрии. За рулем сидела женщина-водитель. Обыкновенная женщина – не мужиковатая и даже не спортивная. Такая вполне могла бы быть медсестрой или секретаршей. Не знаю, замечали вы или нет, но я все чаще вижу женщин за рулем этих махин. Особенно в сельской местности. Раньше женщинам не доверяли водить автобусы. Наверное, это происходит потому, что сегодня в деревне общественным транспортом пользуются только старики да дети. И профессия – шофер автобуса – перестала считаться мужской.

Я не без труда вскарабкалась на подножку автобуса. Заплатила за билет – женщина-водитель уверенными движениями кассирши отсчитала мне сдачу. Я заняла переднее сиденье. Автобус был наполовину пуст, но я по опыту знаю, что на выезде из Живерни набьются туристы, которые чаще всего едут на вокзал Вернона. Перед больницей остановки нет, но обычно водители проявляют снисхождение к моим больным ногам и высаживают меня, где я прошу. Особенно женщины. Так что это хорошо, что они теперь водят автобусы.

Я подумала о Нептуне. Вчера возвращаться из Вернона мне пришлось на такси. Выложила тридцать четыре евро! Сумасшедшие деньги, вы не находите, – меньше чем за десять километров? Ночной тариф, объяснил водитель. Ясное дело, таксисты пользуются тем, что после десяти вечера на Живерни нет ни одного автобуса. Кстати, в такси шоферы в основном мужчины, женщин почти не бывает. По-моему, они специально кружат по вечерам вокруг больницы, высматривают старух, не умеющих водить. Стервятники! Знают, что никто не станет с ними торговаться. Хотя... Найду ли я такси, когда сегодня поеду обратно? Вроде бы врачи говорили, что вечером машину поймать трудно. Что, если я там полночи простою?

Мне-то что, но я не люблю оставлять на улице Нептуна.

Инспектор Лоренс Серенак прилагал невероятные усилия, чтобы не пялиться на голые ноги учительницы. Он принялся рыться в карманах. Стефани Дюпен смотрела на него простодушным взглядом, как будто в ее позе – она сидела на столе нога на ногу – не было ничего особенного. «Наверное, привыкла так садиться на уроках, – твердил про себя Лоренс Серенак. – Просто привыкла».

– Так что же? Какое отношение все это имеет ко мне?

Инспектор наконец выудил из кармана фотокопию открытки с «Кувшинками».

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

Он протянул открытку Стефани:

– Мы нашли это в кармане Жерома Морваля.

Стефани Дюпен взяла у него открытку. Читая, она немного повернулась в профиль, и падающий из окна луч света, отразившись от белого листка, озарил ее лицо. В этот миг она напоминала читающую девушку в ореоле света с картины Фрагонара. Или Дега. Или Вермеера. Серенака пронзила странная догадка. В ней ведь нет никакой непосредственности! Каждое ее движение словно отрепетировано, каждый жест строго выверен. Она не просто сидит – она *позирует*. Стефани Дюпен грациозно выпрямилась. С ее бледных губ сорвался чуть слышный вздох – совсем легкий, но его дуновения хватило, чтобы развеять в пыль глупые подозрения инспектора.

– У Морвалей не было детей... Поэтому вы решили зайти в школу?

– Вы правы. Так что никакой мистики. У вас в классе есть одиннадцатилетние дети?

– Конечно, даже несколько человек. Мы принимаем детей от шести лет до одиннадцати. Но, если мне не изменяет память, никто

из моих учеников не отмечает день рождения в ближайшие дни и даже недели.

– Вы не могли бы составить мне список? С адресом, датой рождения... Ну вы понимаете.

– Вы полагаете, это может быть связано с убийством?

– И да и нет. Мы пока продвигаемся на ощупь. Рассматриваем несколько версий. Кстати, вам эта фраза о чем-нибудь говорит?

Серенак проследил за взглядом Стефани, которая снова уткнулась в листок. От напряжения она даже слегка наморщила лоб. Он смотрел на нее и наслаждался.

Она продолжала изучать открытку. Потом несколько раз моргнула, шевельнула губами и наклонила голову. Облик читающей женщины всегда чаровал инспектора. Неужели она над ним смеется? Но откуда она узнала?..

Преступно мечтать, ждет виновного кара.

– Так как же? Не представляете, откуда эта фраза?

Стефани Дюпен резко прыгнула со стола. Подошла к книжному шкафу, наклонилась к нижней полке и с улыбкой повернулась к инспектору, протягивая ему книгу в белой обложке. Лоренсу почудилось, что он слышит, как под тонкой тканью сарафана колотится ее сердце – словно воробушек, что дрожит от страха, но не решается вылететь из клетки с распахнутой дверцей. Что за глупости лезут в голову, спохватился он и взял книгу.

– Луи Арагон, – своим чистым голосом сказала Стефани. – Простите, инспектор, но придется преподать вам еще один урок.

Лоренс послушно уселся за ближайшую парту.

– Я в восторге. Я вам уже говорил.

Она снова засмеялась.

– С поэзией у вас дела похуже, чем с живописью. Строчка на открытке взята из стихотворения Луи Арагона.

– Я потрясен.

– И напрасно. Моей заслуги здесь нет. Во-первых, Луи Арагон бывал частым гостем в Живерни. Он единственный из людей искусства, кто продолжал приезжать сюда и после смерти Клода Моне в 1926 году. Во-вторых, это строка из стихотворения Арагона, которое знаменито в том числе тем, что стало первой жертвой цензуры при правительстве Виши в сорок втором году. Еще раз простите за менторский тон, но когда я скажу вам, как называется стихотворение, вы сами поймете, почему у нас в деревне его учат наизусть все школьники.

– Неужели «Впечатления»?

– Мимо. Но вы почти угадали. Стихотворение называется «Кувшинки».

Лоренс Серенак пытался мысленно рассортировать полученную информацию.

– Значит, если я вас правильно понял, Жером Морваль тоже знал, откуда эта цитата. Логически рассуждая?..

Он ненадолго задумался.

– Я вам чрезвычайно благодарен. Без вашей помощи я искал бы источник несколько дней. Хотя пока не очень понятно, как это использовать...

Инспектор поднял голову. Учительница стояла прямо перед ним, лицом к лицу, сантиметрах в тридцати.

– Стефани... Вы не возражаете, если я буду называть вас Стефани? Вы знали Жерома Морваля?

Она смотрела на него своими фиалковыми глазами. Он почувствовал, что у него слабеют ноги.

– Живерни – крохотная деревушка. Всего пара сотен жителей...

Это инспектор уже слышал.

– Стефани, это не ответ.

Она молчала. Теперь их разделяло не больше двадцати сантиметров.

– Да. Да, я его знала.

В ее зрачках играли солнечные блики. Инспектору казалось, что он тонет. Но он не имеет права... Он должен выплыть... Весь его грошовый цинизм куда-то испарился.

– Понимаете, ходят всякие слухи...

– Смелее, инспектор. Разумеется, я в курсе. Слухи, слухи... Жером Морваль был бабником – кажется, это так называется? Не стану отрицать, что он ко мне подкатывал. Но...

В ее глазах мелькнула тень. словно над поверхностью пруда повеяло ветерком.

– Инспектор Серенак, я замужем. И в этой деревне я работаю учительницей. Про Морваля вы уже знаете, он был врач. Врач и учительница – идеальное сочетание, не правда ли? Для досужих сплетников. Так вот. Между Жеромом Морвалем и мной никогда ничего не было. В таких селениях, как наше, не бывает недостатка в злых языках. А если им не за что уцепиться, они выдумывают небылицы.

– Приношу вам свои извинения. Вообще-то я не такой уж нахал...

Она улыбнулась ему – ее лицо было совсем рядом – и снова отошла к книжному шкафу.

– Держите, инспектор. Это вам. Как артистической натуре.

Лоренс с изумлением увидел, что Стефани протягивает ему еще одну книгу.

– Это вам для общего развития. «Орельен». Лучший роман Луи Арагона. Действие самых важных сцен происходит в Живерни. Это главы с шестидесятой по шестьдесят четвертую. Уверена, что вам понравится.

– Спа... Спасибо.

Он не мог сообразить, что бы еще сказать, и проклинал себя за тупость. Стефани застала его врасплох. Каким боком во всю эту историю затесался Арагон? Серенак чуял, что упускает что-то существенное. Он взял книгу, сунул под мышку и протянул руку Стефани. Учительница ее пожала.

Пожалуй, слишком крепко.

И держала ее слишком долго.

Секунду или даже две. Достаточно долго, чтобы он дал волю своему воображению. Чтобы ему почудилось, что она без слов кричит ему: «Не уходи. Не бросай меня. Ты – моя единственная надежда, Лоренс. Без тебя я погибну».

Стефани улыбнулась. Ее глаза сияли.

Конечно, он все придумал. Ненормальный. Еще не хватало завалить первое серьезное расследование в Нормандии.

Стефани – самая обыкновенная женщина. Без всякого двойного дна.

Просто необыкновенно красивая. Но она принадлежит другому.

Так что все в порядке.

Он неловко попятился к выходу.

– Стефани, составьте для меня, пожалуйста, список учеников. Завтра я пришлю за ним помощника.

Они оба знали, что никого он не пришлет. Он придет сам. Она надеялась, что он придет.

11

Вернонский автобус свернул на улицу Клода Моне и покатил к церкви. В этой части деревни толпы туристов обычно редуют. Мне нравится ехать по деревне на автобусе. Сидеть на переднем сиденье и с высоты озирая окрестности. Мы проехали две художественные галереи – «Демаре» и «Канди», агентство недвижимости «Престиж», гостиницу «Кло-Флери», отель «Боди». Автобус нагнал стайку ребятишек, шагавших по проезжей части с ранцами на спине. Водительша надавила на клаксон, и ребятня бросилась к обочине, нещадно топча и ломая ирисы и штокрозы. Двое убежали вперед и скрылись из виду. Я их узнала. Поль и Фанетта. За ними несея

Нептун. Эта псина обожает детвору. Особенно Фанетту – девчонку с косичками.

По-моему, у меня начинается старческий маразм. Переживаю из-за своей собаки, а она знай себе развлекается с деревенскими детишками.

В конце улицы показалась остановка. Я вздохнула. Ну и народищу! Человек двадцать, не меньше. С чемоданами на колесиках, рюкзаками, спальными мешками и – как же иначе? – упакованными в крафт-бумагу большими картинами.

12

Фанетта держала Поля за руку. Они прятались за большим стогом сена на большом поле, разделяющем шоссе Руа и улицу Клода Моне, прямо напротив гостиницы «Боди».

– Тише, Нептун! Из-за тебя нас увидят!

Пес непонимающе смотрел на двух одиннадцатилетних ребятишек. В шерсти у него запуталась солома.

– Иди отсюда! Вот дурак!

Поль расхохотался. Он расстегнул верхние пуговицы рубашки, а ранец бросил на землю.

Классно он смеется, – подумала Фанетта.

– Вон они! – вдруг воскликнула она. – Вон, в самом конце улицы! Сматываемся!

Они вскочили. Поль торопливо подхватил свой ранец, и дети направились к улице Клода Моне.

– Скорее, Поль! – Фанетта тянула приятеля за руку. За спиной у нее болтались две косички. – Туда!

Возле церкви Святой Радегунды Фанетта свернула за угол, пробежала по посыпанной гравием дорожке, поднимавшейся вверх, и укрылась за плотной живой изгородью. Нептун за ними не увязался, остался обнюхивать обочину, изредка задирая заднюю

ногу в подходящих местах. Отсюда, со склона холма, дома казались приплюснутыми к земле. Поль снова засмеялся.

– Тише ты! Они сейчас пройдут.

Поль отступил на шаг и сел на белое надгробие. Вернее, сразу на два лежащих рядом надгробия, одно – Клода Моне, другое – его второй жены Алисы.

– Поль, ты что? Не видишь, куда садишься? Это могила Моне!

– Ой.

– Ладно, ничего.

Обожаю, когда Поль сделает глупость, а потом извиняется.

Фанетта тоже фыркнула. Поль поднялся и шагнул в сторону, стараясь не прикасаться к другим надгробиям, под которыми покоились остальные члены семейства Моне.

Фанетта не спускала глаз с дороги. Кто-то шел к их убежищу.

Они!

Камиль, Винсент и Мэри.

Первым приблизился Винсент. Остановился и принялся пристально, будто индейский охотник, озирать окрестности. Заметил Нептуна и крикнул:

– Фанетта! Ты где?

Поль снова фыркнул. Фанетта зажала ему рот ладошкой.

Камиль тоже добрался до церкви. Ростом он был меньше Винсента, из коротких рукавов рубашки выглядывали пухлые руки, над ремнем нависал круглый животик. Он запыхался. Бедный толстячок.

– Видел их?

– Не-а. Наверное, они дальше.

Мальчики пошли вперед. Винсент снова крикнул, на этот раз громче:

– Фане-е-т-та-а-а! Ты где?

Сзади донесся писклявый голос Мэри:

– Могли бы и меня подождать!

Камиль с Винсентом уже с минуту как ушли, когда перед церковью появилась Мэри. Для своих десяти лет это была довольно высокая девочка. Из-под очков у нее ползли слезы.

– Мальчики, ну подождите! Ну ее, эту Фанетту... Меня подождите!

Мэри повернула голову к могилам, и Фанетта инстинктивно присела за спину Поля. Но Мэри никого не увидела и поплелась по улице Клода Моне, поднимая сандалиями пыль.

Уф!

Фанетта поднялась, улыбаясь до ушей. Она потуже заплела растрепавшиеся косички. Поль вытряхивал из штанов забившиеся в обшлага мелкие камешки.

– Почему ты от них убежала?

– Они меня раздражают. А тебя разве нет?

– Ну, в общем, да. Слегка...

– Сам посуди. Камиль без конца талдычит, какой он весь из себя отличник. А Винсент еще хуже! Видеть его не могу! Он на меня давит, понимаешь? Шагу не дает ступить. Про Мэри я вообще молчу. Только и знает, что хныкать. И учительнице на меня ябедничает...

– Она тебе завидует, – тихо сказал Поль. – А я? Я на тебя не давлю?

Фанетта сорвала с ветки листок и пощекотала Полю щеку.

Ты, Поль, совсем другое дело. Не знаю почему, но совсем-совсем другое.

– Дурак! Ты же знаешь, что я выбрала тебя. Навсегда. (Поль зажмурился от удовольствия.)

– Наверное, да. Но только не сегодня.

Она встала на цыпочки и поглядела на дорогу. Путь свободен.

Поль вытаращил глаза:

– Что? Ты что, меня тоже бросаешь?

– Угу. У меня важная встреча. Секретная.

– С кем?

– Говорю же – секрет. Ты за мной не ходи. Я только Нептуна с собой возьму.

Поль принялся тереть пальцы, словно они у него внезапно заболели.

Все из-за этого убийства. В деревне только о нем и разговоров. По улицам полицейские ходят. Даже страшно. Как будто нам тоже грозит опасность...

– Слово? – настойчиво спросила Фанетта.

– Слово, – нехотя ответил Поль.

День третий
15 мая 2010 года
(Вернонская больница)
Аргументация

13

Над кроватью на часах светились цифры. 01:32. Заснуть не удавалось. Последняя медсестра заглядывала сюда больше часа назад. Наверное, решила, что я сплю. Сплю! Ха-ха. Как будто в этом ужасном кресле можно заснуть.

Я смотрела на капельницу. Из полуопавшей груши капало лекарство. Как долго они собираются держать его на капельнице?

Несколько дней? Месяцев? Лет?

Он тоже не спал. Речь у него пропала еще вчера – во всяком случае, так сказали врачи. Двигаться он тоже не может, но может смотреть. Вот и лежит с открытыми глазами. Если верить медсестрам, он все понимает. Они мне раз сто повторили: «Разговаривайте с ним. Почитайте ему что-нибудь. Для вашего мужа это очень важно».

На тумбочке высится стопка журналов. Когда в палату заходит медсестра, я делаю вид, что читаю ему вслух. Но стоит ей закрыть за собой дверь, умолкаю.

Если он, как они утверждают, все понимает, значит, поймет и это.

Я снова посмотрела на капельницу. Медсестры объяснили, что капельница поддерживает в нем жизнь. Но подробности я забыла.

Время будто остановилось. Я все-таки беспокоилась за Нептуна. Бедная собака, совсем там одна. Но не всю же ночь мне здесь торчать!

Медсестры намекали, что дела у него совсем плохи. По-моему, за последние десять минут он ни разу не мигнул. Уставился на меня и

смотрит. Черт бы его подрал.

2:12.

Опять заходила медсестра. Посоветовала мне вздремнуть. Я согласно кивнула.

Я уже приняла решение.

Подождала еще немного. Убедилась, что в коридоре тихо. Встала. Еще чуть выждала и трясущейся рукой вырвала иглы капельниц. Всех трех. Одну за одной.

Он смотрел на меня безумным взглядом. Понял. Уж это-то он точно понял.

А чего он хотел?

Я ждала.

Как много времени прошло? Пятнадцать минут? Полчаса? Я взяла со стула журнал. «Нормандия». Открыла статью про фестиваль импрессионизма в Нормандии, который должен состояться этим летом. Начиная с июня все вокруг будут жить ожиданием этого фестиваля. Я упрямо читала статью. Как будто мне было плевать, что он подышает. Прямо тут, рядом со мной. Хотя мне на самом деле было плевать.

Иногда я поднимала от журнала глаза. Он упорно пялился на меня. Я на долю секунды ловила его взгляд и тут же снова утыкалась в журнал. С каждым разом черты его лица все заметнее искажались. Смотреть на это было довольно-таки противно, уж можете мне поверить.

В три часа ночи мне показалось, что он уже умер. Глаза были по-прежнему открыты, но застыли неподвижно.

Я поднялась, снова воткнула иглы капельницы. Комар носу не подточит. Но потом, чуть подумав, опять их вырвала. И нажала кнопку вызова.

Примчалась медсестра.

Я напустила на себя испуганный вид. Не слишком, чтобы не переигрывать. Объяснила, что заснула, а когда проснулась,

обнаружила, что... В общем, сами видите.

Медсестра осмотрела вырванные трубки. И расстроилась так, как будто это она во всем виновата.

Надеюсь, у нее не будет неприятностей. Во всяком случае, я никаких претензий предъявлять уж точно не стану.

Она побежала за врачом.

Меня охватило странное чувство. Остатки злобы, перекрываемые ощущением свободы.

Нахлынули сомнения.

Что теперь делать?

Пойти все рассказать в полиции? Или продолжить изображать в Живерни серую мышку?

14

На столе инспектора Лоренса Серенака лежало пять фотографий. В руках он держал конверт из коричневой крафт-бумаги.

– Господи, – вздохнул Сильвио Бенавидиш. – Кто же это прислал?

– Неизвестно. Конверт пришел утром по почте. Отправлено вчера вечером из почтового отделения Вернона.

– Только фотографии? Ни письма, ни записки? Ничего?

– Ничего. Но фотографии говорят сами за себя. Галерея любовниц Жерома Морвалья. Не всех – только самых лучших. Сильвио, будь другом, взгляни. Я уже насладился.

Сильвио Бенавидиш пожал плечами и склонился над разложенными снимками. На каждом был запечатлен Жером Морваль, всякий раз с другой женщиной. Ни одна из них не была его женой. Жером Морваль стоит возле письменного стола, руками упираясь в коленки девушки, которую целует в засос. Секретарша? Жером Морваль на дискотеке, сидит на диване, рука на груди девицы, одетой в платье с блестками. Жером Морваль с голым торсом растянулся на пляже рядом с белокожей девушкой – судя по

пейзажу, дело происходит в Ирландии. Жером Морваль в гостиной, увешанной картинами и похожей на его собственную, перед ним стоит на коленках девушка – спиной к фотографу, но не к окулисту. Жером Морваль идет по грунтовой дороге, явно где-то в окрестностях Живерни – на фото видна колокольня церкви Святой Радегунды – рядом со Стефани Дюпен.

Сильвио Бенавидиш аж присвистнул:

– Ничего себе! Работа профессионала!

Серенак согласился:

– Я тоже так думаю. У нашего окулиста губа была не дура. Хотя сам-то... посмотреть не на что.

Бенавидиш растерянно взглянул на патрона.

– Да я не про Морваля. Я про того, кто делал снимки.

Серенак подмигнул помощнику:

– Сильвио, я тобой восхищаюсь! Все-то ты замечаешь. Ладно, давай дальше.

Бенавидиш покраснел.

– Я... Я хотел сказать, патрон, – чуть заикаясь, продолжил он, – что снимал частный детектив. Профессионал. Фото в кабинете и в гостиной, скорее всего, сделаны из-за окна. Такой оптики ни у одного папарацци нет.

Серенак еще раз взгляделся в снимки и скривился.

– А мне что-то не кажется, что это так уж трудно. Фото в помещениях довольно размытые, а? Хотя я не собираюсь критиковать мастера. Хорошая работенка! Этот Морваль умел подбирать девиц. Черт, и чего меня в полицию понесло? Стал бы частным детективом...

Сильвио пропустил это замечание мимо ушей.

– Как вы думаете, – спросил он, – кто, кроме его жены, мог заказать эту съемку?

– Откуда же мне знать? Спросим у Патрисии Морваль. Правда, при первой встрече она не показалась мне особенно болтливой, особенно в том, что касалось измен мужа. Честно говоря, у меня

такое ощущение, что в этом деле следует с осторожностью относиться к слишком очевидным уликам.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, например, вот что. Ты, Сильвио, наверняка заметил, что все фотографии разные. Фото на дискотеке, фото в гостиной, фото в кабинете... нет ни малейших сомнений, что Морваль спал с женщинами, которые на них запечатлены.

Бенавидиш нахмурил брови.

– Возможно, я забегаю вперед, – добавил Серенак, – но мне представляется несомненным, что на этих трех снимках Морваль снят рядом с любовницами. Поцелуй, рука на груди, ну и... так далее. Но если мы возьмем фото на пляже, а особенно фото в Живерни, то у нас не будет никаких оснований полагать, что этих женщин с Морвалем связывали любовные отношения.

– Эта последняя... – указал на снимок Бенавидиш, – единственная, кто нам известен. Ее зовут Стефани Дюпен, она деревенская учительница. Я ничего не путаю?

Серенак молча кивнул.

– Если честно, патрон, я не понимаю, к чему вы клоните. Измена есть измена, разве не так?

– Сейчас я тебе объясню, к чему я клоню. Видишь ли, я очень, ну очень не люблю получать подарки неизвестно от кого. Еще меньше я люблю, когда некий аноним указывает мне, в каком направлении вести следствие. Я уже большой мальчик, и мне не нравится, что некто, желающий оставаться в тени, дает мне подсказки.

– Например?

– Например, тот факт, что в этом подарочном наборе фигурирует фотография Стефани Дюпен, еще не означает, что она была любовницей Морваля. Но неизвестный даритель очень хочет, чтобы я думал именно так.

Сильвио Бенавидиш поскреб в затылке. На его лице ясно отражалась напряженная работа мысли.

– Понятно, – произнес он наконец. – Но мы же не можем вообще проигнорировать эти фотографии?

– Разумеется, не можем. Тем более что до разгадки нам еще далеко. Сильвио, посмотри, пожалуйста, что на обороте снимков.

Сильвио послушно перевернул все пять фотографий. С обратной стороны на каждой были цифры.

Фото в кабинете: «23–02»; фото на дискотеке: «15–03»; фото на пляже: «21–02»; фото в гостиной: «17–03»; фото на дороге: «03–01».

– Вот же черт... – присвистнул Бенавидиш. – Это что еще за фигня?

– Понятия не имею.

– Похоже на даты. Может, это число и месяц?

– Вряд ли. Потому что тогда выходит, что все фотографии были сделаны с января по март. Пять женщин меньше чем за три месяца? Каким бы бабником ни был Морваль, но что-то я сомневаюсь... Кроме того, я готов дать руку на отсечение, что снимок в Ирландии сделан не зимой.

– И какой вывод?

– Вывод такой, что мы будем искать, Сильвио. Что нам еще остается? Будем рыть носом землю. А пока давай-ка сыграем. Хочешь?

Бенавидиш презрительно ухмыльнулся:

– Не так чтобы очень...

– Ну, тогда считай, что это приказ.

Серенак собрал фотографии в стопку, перетасовал их и веером, на манер игральных карт, разложил на столе.

– Ты первый, Сильвио. Тяни по одной. Распределим девушек между собой. Потом каждый займется своими. Мы должны узнать, как их зовут, чем они занимаются и есть ли у них алиби на день убийства. Встречаемся через два дня. Посмотрим, кто наберет больше очков.

– Должен вам сказать, патрон, вы иногда делаете странные вещи.

– Да ничего подобного, Сильвио. Я просто работаю. А что, у тебя есть другие предложения? Может, ты считаешь, что установление

личности пяти красоток следует поручить Мори и Лувелю? – Серенак рассмеялся. – Ладно, если ты не хочешь, я тяну первым.

Лоренсу Серенаку досталась фотография Жерома Морваля с девушкой в кабинете.

– Секретарша, которая слишком широко понимает свои обязанности, – хохотнул Серенак. – Ладно, выясним. Давай, твоя очередь.

Сильвио вздохнул и потянулся за карточкой.

– Эй, не шельмовать! Не смотри на цифры!

Сильвио перевернул снимок. Дискотека.

– Счастливчик! – фыркнул Серенак. – Девушка в блестках!

Сильвио покраснел. Лоренс Серенак вытянул гостиную, с девушкой на коленях.

– Ну конечно. Начальству все самое трудное. Вид со спины... Давай, тяни еще!

На столе оставались две последние фотографии. Случаю было угодно, чтобы Бенавидиш заполучил снимок с пляжа.

– Прекрасная незнакомка на берегу Ирландского моря, – прокомментировал Серенак. – Нет, ты и в самом деле везунчик!

Сильвио Бенавидиш бросил выбранные фотографии на стол и с ироничной улыбкой посмотрел на начальника.

– Патрон, по-моему, вы надо мной смеетесь. Не знаю, как вы это провернули, но я с самого начала не сомневался, что фотографию Стефани Дюпен вы оставите себе.

Серенак вернул ему улыбку.

– Да, братец, тебя точно не проведешь! Не надейся, секрет фокуса я тебе не раскрою, но в главном ты, безусловно, прав. Красавицей учительницей я займусь сам. Привилегия начальства! Кстати, не зацикливайся на цифрах на обороте, Сильвио. Я уверен, что после того, как мы установим имена четырех женщин, эти цифры сами заговорят. – Ну что, за работу? Давай забирай свои.

– За работу. Хотя нет, подождите, патрон. Чуть не забыл. Я тоже приготовил вам подарочек. Вы меня, конечно, гоняете по делу и без

дела, но я не злопамятный.

Не дав Серенаку возможность ответить, Бенавидиш выскочил из кабинета и через пару минут вернулся с белым бумажным пакетом в руках.

– Вот. Можно сказать, с пылу с жару...

Из опрокинутого на стол пакета высыпалось два десятка небольших шоколадных кексов.

– Я их жене пеку, – объяснил Сильвио. – Она их обожает. Но в последние недели две ничего в рот взять не может. Даже с домашним заварным кремом моего приготовления.

Серенак рухнул в кресло.

– Сильвио, ты мне как мамочка! Я должен тебе признаться. Я выпросил назначение в ваш глухой северный край с единственной целью заполучить тебя в замы!

– Да ладно вам. Не преувеличивайте.

– Хочешь сказать, я недостаточно горячо выражаю свою благодарность? – Он посмотрел Бенавидишу в глаза и спросил уже другим, серьезным тоном: – Когда ждете малыша?

– Да скоро уже. По идее, роды должны быть через пять дней. А там кто его знает...

Серенак положил в рот первый кекс.

– Мама дорогая! Божественно! Твоя жена совершает большую ошибку.

Сильвио Бенавидиш наклонился к папке, прислоненной к спинке стула. Когда он выпрямился, его начальник был уже на ногах.

– А если еще с кофе!.. Пойду быстренько спущусь, – сказал Серенак. – Тебе принести?

Скрученная в рулон распечатка, которую Сильвио держал в руках, развернулась, едва не коснувшись нижним краем пола.

– Э-э... Нет, спасибо.

– Уверен?

– Э-э... Ну ладно. Только мне чай. Без сахара.

Спустя несколько минут инспектор Серенак вернулся с двумя пластиковыми стаканчиками в руках. Шоколадные крошки со стола исчезли. Серенак вздохнул, словно давая помощнику понять, что он тоже имеет право на короткий отдых. Но не успел он сесть, как Бенавидиш приступил к докладу.

– Так вот, патрон, на данный момент установлено следующее. Из отчета судмедэкспертизы ясно, что Морваль скончался от ранения холодным оружием. Смерть наступила в течение минуты. Уже затем Морвалю раздробили камнем череп и опустили его голову под воду. Именно в таком порядке.

Серенак окунул кекс в кофе и с улыбкой произнес:

– Учитывая репутацию окулиста – если она тоже подтвердится, – в деле могут быть замешаны сразу три ревнивца. Ассоциация рогоносцев. Отсюда ритуальный характер преступления. Помнишь «Убийство в Восточном экспрессе»? Вот и у нас тут нечто похожее.

Бенавидиш изумленно уставился на него.

– Да шучу я, Сильвио, шучу!

Серенак окунул в кофе очередной кекс.

– Ладно, давай серьезно. Лично я вижу в этом деле кое-какие странности. Одно с другим не стыкуется...

Взгляд Сильвио оживился.

– Совершенно с вами согласен, патрон. – Чуть поколебавшись, он добавил: – Вообще-то я хотел показать вам кое-что еще. Мне кажется, вы будете сильно удивлены.

15

Фанетта не шла, а бежала – она всегда возвращалась из школы бегом. По улочкам Живерни она пробиралась с оглядкой, чтобы не наткнуться на Винсента, Камиля или Мэри. Для нее это не представляло особой трудности, все деревенские тропки она знала наизусть. Поль настаивал, что должен ее проводить, – нечего,

повторял он, ходить одной, когда в окрестностях бродит преступник, – но она не поддавалась на уговоры. И ни о чем не проболталась.

Это мой секрет!

Ну вот, она почти у цели. Перебежала через мостик, миновала мостки. Показалась двурогая мельница с высокой башней, всегда наводившей на нее страх.

Честное слово, Поль, завтра я все тебе расскажу. Расскажу, с кем я встречаюсь каждый день уже целую неделю. Завтра.

Или послезавтра.

Фанетта выскочила на дорогу, ведущую в поля.

Джеймс ждал ее.

Он стоял чуть поодаль, посреди пшеничного поля. Колосья доходили ему до колен. Рядом стояли четыре мольберта. Фанетта перешла с бега на шаг.

– Вот и я!

Джеймс улыбнулся в седую бороду и обнял Фанетту.

– Ну наконец-то, негодница! А ну, быстро за работу! Солнце ждать не будет. И чего они вас столько времени в этой школе держат?

Фанетта устроилась за одним из мольбертов – самым низким, ей по росту. В лакированном ящике лежали тюбики краски и кисти.

О старом художнике, с которым Фанетта познакомилась неделю назад, она знала немного: он американец, зовут его Джеймс, он почти каждый день приходит сюда писать. Джеймс сказал ей, что она – самая способная девочка из всех, кого он когда-либо встречал, а повидал он их немало, потому что у себя в Америке преподавал живопись. Еще он говорил ей, что она слишком много болтает и, хоть у нее и талант, ей надо учиться сосредоточенности. По примеру Моне. Главное – это наблюдательность и воображение. У Джеймса на этот счет прямо пунктик. Наблюдательность и воображение. Еще надо писать быстро – для того он и носил с собой четыре мольберта, чтобы успеть уловить движение солнечного луча, шевеление тени, изменение цвета. Моне, по его словам, ходил на

натуру с шестью мольбертами. Таскать их он нанимал местных ребяташек.

Вот уж фигушки, думала про себя Фанетта. Если Джеймс рассчитывает, что она будет носить за ним мольберт, то здорово ошибается. Она сразу догадалась, что он ей заливает, но сделала вид, будто всему верит. Джеймс – симпатичный старикан, если бы еще не изображал из себя Клода Моне.

А меня не принимал за идиотку!

– Фанетта! А ну не спать! За работу!

Девочка писала старинные мостки, мост над ручьем, мельницу на отшибе. Она работала уже довольно долго.

– А ты знаешь такого Теодора Робинсона? Нам учительница в школе рассказывала...

– Что именно?

– Она записала весь класс на конкурс. Международный конкурс, мистер Джеймс! Честное слово, МЕЖДУНАРОДНЫЙ! Премия Робинсона. Если я выиграю, то поеду в Японию, или в Россию, или в Австралию. Но я еще не решила, буду участвовать или нет.

– А больше она ничего не рассказывала?

– Ну, там еще полагается куча долларов.

Джеймс аккуратно опустил палитру на ящик с красками. Ну конечно, сейчас бороду запачкает! Она у него вечно в краске.

Сегодня, например, в зеленой.

Какая я все-таки нахалка. Никогда не говорю ему, что у него борода в краске. Но это до того потешно...

Джеймс подошел к ней ближе.

– Фанетта! Если ты постарайся... Если ты поверишь в себя... Пойми, у тебя есть все шансы выиграть этот конкурс.

Ой, что-то мне стало страшно.

Наверное, Джеймс заметил, что Фанетта косится на его бороду, и провел по ней пятерней, размазав зеленую краску.

– Что ты мне сказки рассказываешь?

– Фанетта, я не рассказываю тебе сказки. Я ведь тебе уже говорил. У тебя талант. Ты тут ни при чем, это врожденное. Да ты и сама все понимаешь. У тебя талант живописца. Не просто талант. Может быть даже, ты маленький гений. Но все это ни к чему не приведет, если...

– Если я не буду стараться?

– Да. Надо очень много работать. Это необходимо. Иначе от твоего таланта останется пшик. Хотя подожди, я хотел сказать совсем не это.

Джеймс медленно шел по полю, тщательно выбирая, куда поставить ногу, чтобы не помять колосья. Приподняв один из мольбертов, он быстро переставил его на новое место, словно получив приказ сверху, от солнца.

– Я хотел сказать, Фанетта, что гениальность – пустой звук, если человек не... Как бы тебе это объяснить? Если человек не способен стать совершенным эгоистом.

– Кем-кем?..

Ну и ну. Такого я даже от Джеймса не ожидала.

– Да, эгоистом! Фанетта, дорогая, гению плевать на окружающих, он признает только тех, кто равен ему, а таких единицы. Гениальность заставляет человека отворачиваться от тех, кого он любит, и вызывает бешеную зависть у всех остальных. Понимаешь?

Ну вот опять скребет свою бороду. Всю краску размазал. А сам ничего не замечает. Какой же он древний. Старикашка Джеймс.

– Ничего не понимаю!

– Ладно, попробую объяснить по-другому. Вот возьмем, например, меня. Я всю жизнь мечтал приехать в Живерни, увидеть своими глазами пейзажи, которые писал Моне. Ты даже не представляешь, сколько часов я провел у себя в деревне, в Коннектикуте, разглядывая альбомы с репродукциями. Тополя, Эпт, кувшинки, Крапивный остров... Как ты думаешь, оно того стоило? Бросить жену, бросить детей и внуков – это в шестьдесят пять лет? Что важнее?

Осуществить свою мечту или праздновать Хэллоуин и День благодарения в кругу семьи?

– Даже не знаю...

– Ты не знаешь. А я знал. Я ни секунды не колебался. И поверь мне, Фанетта, я ни о чем не жалею. А ведь я живу здесь как нищий, ну почти нищий. И у меня нет даже четверти твоего таланта. Теперь понимаешь, что я имею в виду, когда говорю тебе об эгоизме? Неужели ты думаешь, что первые американские художники, которые во времена Моне жили здесь в гостинице «Боди», ничем не рисковали? Неужели ты думаешь, что им не пришлось порвать со всей предыдущей жизнью?

Не нравится мне, когда Джеймс начинает так говорить. Как будто говорит одно, а думает совсем другое. Как будто на самом деле жутко жалеет, что такое натворил. Ему тут тоскливо. Он скучает по своей семье в Америке.

Фанетта взяла кисть.

– Вы как хотите, месье Джеймс, но я буду работать. Простите за эгоизм, но у меня конкурс на премию Робинсона на носу.

Джеймс расхохотался.

– Молодец, Фанетта! А я просто старый ворчун!

– И к тому же маразматик. Ты мне так и не рассказал, кто такой этот Робинсон.

Джеймс подошел поближе и, прищурившись, посмотрел на работу Фанетты.

– Теодор Робинсон – американский художник. Самый известный в США импрессионист. Единственный американец, которому удалось подружиться с Клодом Моне. От остальных Моне бежал как от чумы. Робинсон прожил в Живерни восемь лет. Даже написал картину на сюжет свадьбы любимой падчерицы Клода Моне Сюзанны с американским художником Теодором Батлером. И... Даже странно... На одной из наиболее известных его работ изображено то самое место, которое ты пишешь сейчас.

Фанетта чуть не выронила кисть.

– Как?

– Абсолютно то же место. Это старая картина, написанная в тысяча восемьсот девяносто первом году. На ней виден приток Эпта, мостик над ним и мельница Шеневьер. Слева – фигура женщины в длинной юбке и косынке, а посреди ручья – мужчина верхом на лошади. Лошадь пьет. Картина называется «Папаша Троньон и его дочь на мосту». Всадника и на самом деле звали папаша Троньон, он был из местных.

Фанетта едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

Он меня правда принимает за дурочку. Папаша Троньон! Ведь «троньон» означает «огрызок»! Надо же такое сказануть!

Джеймс по-прежнему не отрывал взгляда от картины, над которой работала девочка. Густая борода закрывала его лицо чуть ли не целиком. Он протянул свой толстый палец к еще влажному холсту:

– Тени вокруг мельницы получились очень хорошо. Молодец, Фанетта. Это знак судьбы. Ты пишешь тот же пейзаж, что Теодор Робинсон, только... только у тебя получается намного лучше. Ты выиграешь этот конкурс, точно тебе говорю! Знаешь, в жизни не так часто выпадает счастливый шанс – раза два, может, три. Главное, его не упустить. Остальное неважно.

Джеймс снова переставил мольберты. *Похоже, он не столько пишет, сколько таскает мольберты. Наверное, не успевает за солнцем.*

Ну и ладно.

Прошел примерно час, когда появился Нептун. Овчарка недоверчиво обнюхала ящик с красками и улеглась у ног Фанетты.

– Это твоя собака? – спросил Джеймс.

– Да как сказать... Вообще-то он тут вроде как общий, но я считаю, что он мой. Он меня больше всех любит!

Джеймс улыбнулся. Он сидел на табурете перед мольбертом, но Фанетта, стоило ей скосить на него глаза, замечала, что он клюет носом. Если так дальше пойдет, то к концу сеанса борода у него окрасится всеми цветами радуги. Она тихонько засмеялась.

Хватит! Я должна сосредоточиться.

Фанетта писала мельницу Шеневьер. Фахверковую башню, контрастные тени под ней, черепицу, каменную стену. Джеймс называл мельницу «ведьминой». Из-за старухи, которая там жила.

Ведьма?

Нет, он и правда считает меня глупой малявкой.

Честно говоря, Фанетта немножко боялась мельницы. Джеймс объяснил, почему он так ее не любит. «Кувшинок» Моне могло вообще не быть – а все из-за этой мельницы. Дело в том, что и мельница, и сад Моне стоят на одном и том же ручье. Моне хотел сделать запруду, поставить затворы и повернуть русло, чтобы у него в саду образовался пруд, но деревенские жители воспротивились. Нечего устраивать тут болото, говорили они, мало нам болезней! Особенно возмущались соседи, а больше всех – мельник с семьей. Они долго ругались. Моне перессорился со всей деревней и выложил кучу денег, а потом написал префекту и еще одному типу – кажется, своему приятелю, которого звали Клемансо. Кто такой был этот Клемансо, Фанетта не знала, но он как-то помог Моне, и пруд с кувшинками появился на свет.

Жалко, если бы его не было!

Но все-таки со стороны Джеймса глупо не любить мельницу из-за этой старой истории. Когда все это было-то!

Джеймс временами ведет себя как дурак.

Фанетта вздрогнула.

А вдруг на мельнице и правда живет ведьма?

Фанетта писала. День клонился к закату. Мельница в лучах заходящего солнца выглядела особенно зловеще. Фанетта смотрела на нее с восхищением. Джеймс давно спал.

Нептун вдруг вскочил на ноги и злобно зарычал. Фанетта повернулась к небольшой тополиной роще. За деревьями прятался мальчишка.

Винсент!

– Какого черта ты сюда приперся?!

От ее крика проснулся Джеймс.

– Винсент! – еще раз крикнула Фанетта. – Что ты за мной шпионишь? Сколько ты уже там торчишь?

Винсент молчал. Он стоял как заколдованный, переводя взгляд с картины Фанетты на мельницу, а с мельницы на мост.

– Винсент, у меня уже есть собака. Ее зовут Нептун. Вторая мне не нужна. И прекрати на меня глазеть!

Джеймс закашлялся.

– Э-э... Вот что, детки, хорошо, что вас двое. Солнце садится, думаю, пора собираться. Поможете мне? Знаете, что говорил Моне? Мудрец встает и ложится с солнцем!

Фанетта не спускала с Винсента глаз.

Я его боюсь. Что за манера – появляться из-за спины! И зачем он за мной таскается? Иногда мне кажется, что у него не все дома.

16

Лоренс Серенак замер со стаканчиком в руке. Помощник вел себя как прилежный ученик, приготовивший урок, которого не задавали. Теперь он разрывался между желанием блеснуть перед учителем и страхом, что наделал ошибок. Правая рука Бенавидиша нырнула в толстую папку и вынырнула назад с листом бумаги формата А4.

– Вот, патрон. Я решил немного упорядочить все данные. Начал составлять таблицу...

Серенак взял еще один кекс, поставил кофе и удивленно уставился на Бенавидиша.

– Просто у меня привычка такая, – продолжил тот. – Кое-кто говорит, мания... В общем, смотрите. Я разделил лист на три колонки. Это три возможные версии. Первая – убийство на почве страсти, скорее всего связанное с одной из любовниц Морваля. Под

подозрение попадают жена, или чей-то ревнивый муж, или брошенная пассия. Работы здесь хоть отбавляй.

Серенак подмигнул помощнику:

– Спасибо нашему анонимному благодетелю. Так, а что дальше?

– Вторая версия связана с живописью. С его картинами и теми, которые он мечтал приобрести. Ну вы помните: Моне, «Кувшинки»... Почему не предположить, что он вышел на торговцев крадеными произведениями искусства? На черный рынок? Там крутятся большие деньги...

Серенак проглотил очередной кекс и допил кофе. Бенавидиш машинально сгреб крошки со стола в одну аккуратную кучку. Затем поднял глаза – на стенах кабинета висело с десятков картин, которые его начальник повесил сразу по прибытии. Тулуз-Лотрек. Писсарро. Гоген. Ренуар.

– Тут нам, можно сказать, повезло, – добавил Сильвио. – Вы, инспектор, хорошо разбираетесь в живописи.

– Чистое совпадение, – отмахнулся Серенак. – Если бы мне сказали, что после перевода в Вернон свой первый труп я найду в речке в Живерни... Но ты прав. Я интересовался живописью еще до поступления в полицейскую школу и по этой причине стажировался в отделе искусств полиции Парижа.

Судя по всему, Бенавидиш впервые слышал, что подобный отдел существует.

– А ты, Сильвио, как я понимаю, в искусстве не очень?

– Разве что в кулинарном.

Лоренс засмеялся.

– Это я уже понял! Короче, я уже предупредил своих бывших коллег по отделу. Они обещали посмотреть, что у них сейчас есть. Кражи, скупка краденого, сомнительные коллекции, подпольный рынок... Ты прав, это мощный бизнес. В свое время я в нем успел покрутиться. Эти ребята ворочают миллионами, без преувеличения. Так что я жду новостей. А третья колонка?

Сильвио Бенавидиш опустил глаза на лист бумаги.

– Третья версия... Только вы, патрон, надо мной не смейтесь. Она связана с детьми. По преимуществу одиннадцатилетними. Улик хватает: поздравительная открытка, цитата из Арагона. А что, если у Морваля лет двенадцать назад была любовница, которая родила ребенка? Кстати, вот еще интересная деталь. Эксперты утверждают, что возраст бумаги, на которой напечатана открытка, составляет приблизительно пятнадцать лет. Текст, а именно слова «ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!» – написаны тогда же. А вот цитата из Арагона приклеена значительно позже. Разве не странно?

Инспектор Серенак восхищенно присвистнул.

– Продолжаю настаивать на том, что говорил тебе раньше. Сильвио, ты идеальный помощник. Однако кое-какая деталь не укладывается в схему. Микроскопическая, но... С моим занудством мы превратим ее в весьма ощутимую.

Он направился к двери:

– Идем, Сильвио. Навестим экспертов.

Бенавидиш ни слова не говоря двинулся следом. Они прошли коридорами и спустились по скудно освещенной лестнице. Серенак на ходу обернулся к помощнику:

– Вот что надо сделать в первую очередь. Найти свидетелей. Можешь даже начать составлять новую таблицу. Я никогда не поверю, что в деревне, где каждый второй с утра до ночи пишет с натуры пейзажи, в день убийства Морваля никто ничего не видел. А то получается, что наш единственный свидетель – анонимный папарацци, приславший нам похабные фотки. Это если не считать дружелюбную псину. Ты в соседний дом заходил? Ну, на эту мельницу?

Серенак достал из кармана ключ от выкрашенной красной краской двери, на которой висела табличка с тремя надписями: «ЛАБОРАТОРИЯ. АРХИВ. ОТДЕЛ ДОКУМЕНТАЦИИ».

– Нет еще, – признался Бенавидиш. – Схожу туда в ближайшее время.

Инспектор отпер красную дверь.

– А я пока еще кое-что придумал. Будет чем занять весь комиссариат. Возможно, придется бросить на это дело целую команду. Сюрприз от начальства!

Они вошли в темную комнату. На столе стояла картонная коробка. Серенак открыл ее и достал гипсовый слепок подошвы.

– Сорок третий размер! – гордо провозгласил он. – Подошва сапога. Если верить Мори, каждая такая подошва индивидуальна – улика надежнее отпечатка пальца! Это след, оставленный в грязи на берегу Эпта через несколько минут после убийства Морваля. Не думаю, что должен тебе объяснять: владелец этого сапога – как минимум прямой свидетель преступления. Не исключено, что он же и убийца.

Сильвио вытаращил глаза.

– И что мне с этим делать?

Серенак рассмеялся.

– Объявляю начало операции «Золушка».

– Послушайте, патрон... Я честно стараюсь следить за ходом вашей мысли, но ваш юмор...

– Ничего, Сильвио, не переживай. Скоро привыкнешь. Ты на меня не обижайся.

– Да я не обижаюсь. Мне, по правде говоря, чихать. Но я не понял – при чем тут Золушка?

– Это современная версия – деревенская. Декорацией служит болотная грязь. Короче говоря, мы должны проверить все сапоги, которые хранятся в домах трехсот жителей деревни Живерни.

– Ничего себе! – Сильвио провел пятерней по волосам.

– Как полагаешь, сколько их может оказаться? – продолжил Серенак. – Пар сто пятьдесят? Максимум двести?

– Господи, инспектор, что за бредовая идея?

– Понятно, бредовая! По этой самой причине я от нее в восторге!

– И все-таки, патрон! Если это сапоги убийцы, то он их давно выбросил. Но даже если и нет, он что, побежит показывать их

полиции?

– Именно, мой дорогой, именно что так! Мы будем действовать методом исключения. Иными словами, выясним, кто из жителей Живерни заявит, что у него нет сапог, или что он их потерял, или предъявит новые сапоги, купленные буквально вчера. Все эти люди автоматически попадут в список подозреваемых.

Бенавидиш как зачарованный смотрел на гипсовый слепок. На его лице расцвела широкая улыбка.

– Должен вам сказать, патрон, идейки у вас не просто бредовые... Но ведь это может сработать! К тому же послезавтра похороны Морваля. А вдруг весь день будет идти дождь? Вся деревня будет вас проклинать.

– Вы что, тут у себя в Нормандии на похороны в сапогах ходите?

– Конечно! Если дождь идет... – И Бенавидиш рассмеялся.

– Сильвио, я тоже должен тебе кое-что сказать. До меня ваш местный юмор не всегда доходит.

Помощник не отреагировал на последнее замечание. Он теребил в руках лист бумаги.

– Сто пятьдесят пар сапог, – бормотал он себе под нос. – И в какую колонку я должен это внести?

Они немного помолчали. Серенак смотрел по сторонам. Три стены из четырех были заняты массивными стеллажами, на полках хранились коробки с архивными материалами. В углу разместили небольшую, скромно оборудованную лабораторию. Четвертую стену отвели под стеллаж с текущими делами. Бенавидиш снял с полки пустую архивную коробку красного цвета и написал сбоку: «Морваль», решив про себя, что найденные вещдоки сложит в нее позже.

Затем он обернулся к начальнику:

– Кстати, патрон, вы уже получили в школе список одиннадцатилетних детей? Я хотел бы внести его в третью колонку. Она пока практически пустая, но...

Серенак не дал ему договорить.

– Нет еще. Стефани Дюпен обещала мне его составить. С учетом присланного неизвестным дарителем хит-парада любовниц Морваля, полагаю, учительница временно исключена из числа главных подозреваемых?

– Она-то да, а вот ее муж... Я навел кое-какие справки. Его зовут Жак Дюпен. И он очень даже подходит на эту роль.

Серенак оживился:

– Ну-ка, давай поподробней.

Бенавидиш сверился с записями.

– Да уж... Иногда и занудный помощник приносит пользу, – пробурчал он.

Серенак хмыкнул.

– Итак, Жак Дюпен. Возраст – около сорока. Владелец агентства по продаже недвижимости в Верноне, отнюдь не процветающего. В свободное время увлекается охотой – как, впрочем, многие жители Живерни. Болезненно ревнив. Что скажете?

– Что за ним необходимо установить наблюдение. Неусыпное.

– Вы это серьезно?

– Более чем. Считаю, что это интуиция. Нет, скорее даже предчувствие.

– И что же вы предчувствуете?

Серенак водил пальцем по составленным на полке коробкам. «Д», «Е», «Ж», «З»...

– Сильвио, тебе очень не понравится то, что я сейчас скажу.

– Ничего, переживу. Так что это за предчувствие?

Палец продолжал скользить по коробкам. «И», «К», «Л», «М»...

– Я нутром чую, что это не последняя трагедия.

– Ну не тяните, патрон. Если честно, я не верю в полицейскую интуицию. Я верю в вещественные доказательства. Но вы меня заинтриговали.

«Н», «О», «П», «Р»...

– Стефани Дюпен, – неожиданно произнес Серенак. – Ей грозит опасность.

Сильвио Бенавидиш нахмурил брови. В темной комнате стало как будто еще темнее.

– Что вас заставляет так думать?

– Говорю же тебе – интуиция.

«С», «Т», «У», «Ф»... Лоренс Серенак оставил коробки в покое, вытащил из кармана три фотографии, выбрал из них ту, на которой была запечатлена Стефани Дюпен, и бросил на стол. Карточка упала рядом с гипсовым слепком. Бенавидиш смотрел на начальника взглядом инквизитора.

– Точно я ничего не знаю, – продолжил инспектор. – Просто взгляд – слишком пристальный. Просто рукопожатие – слишком крепкое. Такое ощущение, будто человек взывает о помощи. Ну вот, теперь тебе все известно.

Бенавидиш подошел к нему поближе. Ростом он был ниже Серенака.

– Крепкое рукопожатие... Призыв о помощи... Вы уж меня простите, патрон, но вы сами говорили, что вы за полную откровенность. Так вот, у меня ощущение, что у вас в голове каша. И что вы несете чепуху.

Сильвио взял со стола фотографию и долго рассматривал изящную фигурку Стефани Дюпен, шагавшей рядом с Морвалем.

– В конце концов, я могу вас понять, патрон. Но не требуйте, чтобы я с вами согласился.

День пятый
17 мая 2010 года
(Кладбище Живерни)
Похороны

17

Лил дождь. В Живерни во время похорон всегда льет дождь.

На сей раз дождь был мелкий и холодный.

Перед могилой я стояла одна. Из-за кучи перекопанной земли картина напоминала заброшенную стройку. По мраморной доске тонкими струйками текла вода. По надписи: «Моему мужу. 1926–2010».

Отойдя к серой бетонной стене, я укрылась от дождя. Кладбище Живерни расположено на склоне холма, сразу за церковью, и террасами поднимается вверх. Чем выше – тем свежее могилы. Покойники потихоньку догрызают холм. Самых знаменитых и богатых еще хоронят внизу, поближе к церкви. Поближе к Моне.

На лучших местах!

У них своя тесная компания, в которую не пускают чужаков. Меценаты, коллекционеры, более или менее известные художники выкладывают гигантские суммы, чтобы навеки упокоиться здесь.

Уроды.

Можно подумать, что в полнолуние они устраивают тут свои призрачные вернисажи. Я обернулась. В самом низу, на другом конце кладбища, хоронили Жерома Морваля. Аккуратная могила, красивое надгробие. И местечко самое что ни на есть козырное – по соседству со всякими Ван дер Кемпами, Ошеде-Моне и прочими Боди. Там собралась вся деревня – ну или почти вся. Человек сто, не меньше. Все в черном, с непокрытой головой. Или под зонтиком.

Сто плюс один. Один – это я. На другом конце. Кому какое дело до смерти старика или старухи? Если хочешь, чтобы тебя оплакивали, пожалуй, имеет смысл сдохнуть молодым, в расцвете сил. Даже если ты последняя сволочь, о тебе будут скорбеть. Кто первый, того и сапоги. На моего мужа кюре потратил хорошо если полчаса. Кюре у нас молоденький, родом из Гасни. Я его раньше не видела. Зато Морваля отпевал епископ из Эврё! Говорят, дальний родственник его жены. Церемония затянулась почти на два часа.

Догадываюсь, что вам это кажется удивительным. Двое похорон на одном и том же кладбище, на расстоянии нескольких десятков метров и под одним и тем же упорным дождем. Вам тоже не нравятся такие совпадения? Они представляются вам слегка натянутыми? Тогда послушайте, что я вам скажу. Нет никаких совпадений. В череде случившихся событий нет ничего случайного. Напротив. Каждый элемент на своем месте, и все рассчитано с точностью до минуты. Каждый фрагмент этой преступной мозаики является частью цельной картины. И, клянусь вам могилой мужа, остановить лавину никто уже не в силах.

Я подняла голову. Отсюда, сверху, вид на происходящее открывается такой, что аж дух захватывает.

Патрисия Морваль стоит перед могилой мужа на коленях. Безутешная вдова. За ее спиной Стефани Дюпен. Лицо серьезное, глаза заплаканные. Ее держит под руку муж. Суровый взгляд, кустистые брови, мокрые от дождя усы. Вокруг них толпятся люди – родственники, друзья, незнакомцы. Инспектор Серенак тоже пришел. Стоит чуть поодаль, ближе к церкви, неподалеку от могилы Моне. Епископ заканчивает произносить надгробную молитву.

В траве три плетеные корзины. Каждый берет из них по цветку и бросает в разверстную могилу: штокрозы, ирисы, гвоздики, сирень, тюльпаны, васильки... Кошмар. Только Патрисии Морваль могла прийти в голову эта идея. Как будто солнце хоронят.

Даже Моне до такого не додумался бы...

Им хватило деликатности изваять на гигантской гранитной доске серую кувшинку.

Бездна вкуса.

А вот со светом у них промашка вышла. Знаменитое солнце Живерни не пожелало проводить покойного в последний путь. Что ж, не все купишь за деньги. Как знать, может, Бог и правда есть.

Мокрая земля у меня под ногами ручейками цвета охры оползала по узким тропкам между могилами. Ни на одном из жителей Живерни, собравшихся внизу, разумеется, не было сапог. Надо думать, инспектор Серенак довольно посмеивается. Что ж, каждый развлекается как может.

Я стряхнула воду с повязанного на голову черного шарфа. Промок насквозь. Чуть поодаль я заметила сбившихся тесной кучкой детей. Кое-кого из них я узнала. Фанетта плакала. Сразу за ней стоял Винсент. Возможно, ему и хотелось ее утешить, но он не осмеливался. У детей серьезные лица – в одиннадцать лет смерть представляется особенно страшной и невозможной.

Дождь немного утих.

Пока я наблюдала за похоронами, мне вспомнилась одна игра, в которую мы играли детьми. Предлагается загадочная история, и надо найти ее разгадку, для чего можно задавать вопросы, но ответ должен быть «да» или «нет». Один человек похоронил родственника. Через несколько дней он вдруг без всякой причины убил другого родственника. Почему? «Он хорошо знал этого родственника?» – «Нет»; «Он хотел ему за что-то отомстить?» – «Нет»; «Он надеялся унаследовать его деньги?» – «Нет»; «Он боялся, что родственник откроет страшную семейную тайну?» – «Нет». В эту игру мы играли часами...

Дождь прекратился.

Все три корзины с цветами опустели.

По мраморной доске с именем моего мужа стекали капли. Толпа внизу наконец-то рассеялась. Жак Дюпен все так же прижимал к себе жену. Ее длинные волосы прилипли к мокрому черному платью, подчеркнув рельеф груди. Они медленно прошли мимо Лоренса Серенака. Инспектор пожирал взглядом Стефани Дюпен.

Наверное, на воспоминание о той давней детской игре меня навел его жадный взгляд. Я промучилась всю ночь и лишь к утру нашла разгадку. На похоронах мужчина влюбился в незнакомку, но она исчезла, прежде чем он успел с ней заговорить. И он придумал: надо, чтобы умер еще кто-нибудь из членов этой семьи, тогда незнакомка снова придет на похороны. Большинство моих друзей, вместе со мной ломавших голову над таинственной историей, возмутились: дескать, так нечестно. Только не я. Меня пленила неопровержимая логика этого преступления. Странные шутки играет с нами память. Я годами не вспоминала про эту игру. До самых похорон мужа...

Внизу разошлись последние участники церемонии.

Теперь, когда мне все стало ясно, я могу приоткрыть завесу тайны.

Антураж самый подходящий.

ЭТО НЕ ПОСЛЕДНЕЕ УБИЙСТВО В ЖИВЕРНИ.

Слово ведьмы.

Я постояла еще немного, глядя на оползающий холмик земли над могилой мужа. Больше я сюда, скорее всего, не приду. Во всяком случае, при жизни. Что мне здесь делать? Вторых похорон, в которых я заинтересована, не будет. Шли минуты, а может быть, часы...

Наконец я спустилась.

Нептун послушно ждал меня у кладбищенских ворот. Я пошла по улице Клода Моне. Смеркалось. Зажглись фонари. С цветов, высаженных вдоль ограды, капала вода. Талантливый художник мог бы кое-что извлечь для себя из этой живописной картины.

В окнах домов тоже загорался свет. Я прошла мимо школы. В соседнем здании светилось круглое окно под самой крышей. Это комната Стефани и Жака Дюпен. Что они сейчас делают? О чем говорят, снимая промокшую одежду?

Подозреваю, что вам очень хотелось бы проникнуть в мансарду и подсмотреть за ее обитателями. К сожалению, даже мне, опытной серой мышке, не под силу вскарабкаться по водосточной трубе.

Я лишь слегка замедлила шаг, но продолжила свой путь.

18

Лоренс Серенак медленно продвигался в темноте по гравию, ориентируясь лишь на скрип колес мотоцикла, который он толкал за руль. Найти дом помощника не составило труда – Сильвио Бенавидиш дал достаточно точные указания. Пройти вдоль течения Эпта до Кошереля, по мосту перейти на другую сторону, повернуть налево, к церкви, – ее не пропустишь, после десяти вечера это единственное в поселке освещенное здание. Серенак осветил фарами мотоцикла имя владельца на почтовом ящике и поставил свой «тайгер-триумф Т100» между двумя монументальными цветочными вазонами. Дальше возникли сложности – звонка на калитке не оказалось. Впереди угадывалась гравийная дорожка, а метрах в пятидесяти темнел дом. Серенак открыл калитку и шагнул на дорожку.

– Черт!

Инспектор врезался коленом в кирпичную ограду высотой около метра. Какое-то препятствие не позволяло ему пройти. Он ощупал холодный камень и железную решетку, припорошенную густой пылью. Когда до него дошло, что это дворовый гриль, вдали мигнул огонек. Секундой позже на большой веранде вспыхнул яркий свет. Должно быть, его вопль переполошил всех соседей. Из-за стеклянной двери показалась фигура Сильвио Бенавидиша.

– Идите прямо, патрон, – раздался его голос. – По дорожке. Только будьте осторожней, не наткнитесь на гриль...

– Понял, понял, – пробормотал Серенак, думая про себя, что совет немного запоздал.

Он двинулся вперед, осторожно переставляя ноги, но метра через три снова налетел на препятствие, упал, задев локтями что-то вроде железного ящика, и, не сдержавшись, взвыл от боли.

– Эй, патрон, как вы там? – обеспокоенно и смущенно крикнул Сильвио. – Я же предупреждал: там гриль!

– Черт, – поднимаясь, сквозь зубы процедил Серенак. – Хоть бы сказал, что их тут у тебя целая куча! Коллекционируешь ты их, что ли? Сколько там еще?

– Всего? Семнадцать! – с гордостью доложил Сильвио. – Вы абсолютно правы, я их коллекционирую. Вернее, мы с отцом коллекционируем.

Темнота скрыла от Сильвио изумление на лице начальника.

– Сильвио, ты что, издеваешься? – наконец добравшись до веранды, ворчливо спросил Серенак.

– Нет, с чего вы взяли?

– Ты что, серьезно коллекционируешь грили?

– А что такого? Вы днем на них посмотрите! Кстати, в мире существует несколько тысяч фугикарнофилов.

Серенак яростно растирал ушибленное колено.

– Фуги... хренофил, или как его там, это, как я понимаю, тот, кто коллекционирует грили?

– Ну да. Не уверен, что это слово включено в словари. Я, конечно, просто любитель, но вот в Аргентине есть мужик, так у него три сотни грилей из ста сорока трех стран мира! А самый древний экспонат аж тысяча двухсотого года до нашей эры!

Серенак оставил колено и принялся массировать локти.

– Что-то мне подсказывает, что ты надо мной все-таки издеваешься.

– Патрон! Вы ведь со мной уже достаточно хорошо знакомы... Разве я способен такое выдумать? Понимаете, с тех пор как люди укротили огонь, они едят жареное мясо. Вы себе даже не представляете, до чего это интересная тема. Во всей истории человечества нет более древней и более универсальной технологии приготовления пищи...

– И поэтому ты поставил у себя в саду целых семнадцать штук. Круто. Хотя ты прав, лучше грили, чем садовые гномы.

– Ну конечно! И красиво, и оригинально! И полезно – когда приглашаешь гостей.

Серенак пятерней взлохматил волосы.

– Точно. Меня перевели в край, населенный психами.

Сильвио улыбнулся.

– Это еще что. В следующий раз я расскажу вам про окситанские традиции. Вы узнаете, чем катарские грили отличаются от севенольских. – Он поднялся на три ступеньки крыльца. – Прощу, патрон! Вы меня легко нашли?

– Если не считать последних двадцати метров, то да. Вообще-то, если забыть про грили, у вас тут красота. Мельницы, деревенские домики...

– Мне и самому нравится. Особенно вид с веранды.

Инспектор Серенак тоже поднялся по трем ступенькам.

– Сейчас-то темно, ничего не видно, – объяснил Сильвио, – но днем тут классно. Хотя, если честно, патрон, Кошерель – странное местечко.

– Что, еще более странное, чем клуб фугикопрофилов? Ты должен мне об этом рассказать.

– Фугикарнофилов. Но это к делу не относится. Тут народу перемерло – не счесть. Во время Столетней войны вон на тех холмах, прямо напротив, разыгралась жутко кровавая битва. Тысячи погибших. Во Вторую мировую – то же самое. Но самое интересное даже не это. Знаете, кто похоронен на нашем церковном кладбище?

– Неужели Жанна д'Арк?

Бенавидиш улыбнулся.

– Аристид Бриан!

– Да ну?

– Спорим, вы даже не знаете, кто это такой?

– Прекрасно знаю. Певец.

– Нет-нет, певец – это Аристид Брюан. Вечно все их путают. Аристид Бриан был политическим деятелем. Пацифистом. Он единственный француз, удостоенный Нобелевской премии мира.

– Сильвио, ты неподражаем! Я готов поступить к тебе в ученики по части истории Нормандии.

Серенак осматривал фахверковую стену дома.

– Должен сказать, что для простого инспектора полиции с нищенской зарплатой у тебя шикарное жилье.

Сильвио выпятил грудь, явно польщенный. Подняв глаза, он молча указал на потолок веранды, опирающийся на столбы из бруса. Между балками была натянута металлическая проволока, по которой со временем будет карабкаться высаженный в метре от веранды дикий виноград.

– Знаете, патрон, когда я пять лет назад купил этот дом, он был настоящей развалюхой. Вот с тех пор и вожусь с ним.

– И что же ты сделал собственными руками?

– Да все.

– Как – все? Не может быть!

– Может, может. Португальские гены. Даже если работаешь в полиции, дают о себе знать.

Серенак расхохотался и снял кожаную куртку.

– Патрон, да вы насквозь промокли!

– Нормандские похороны, чтоб их!

– Так заходите, обсушитесь.

Мужчины прошли на веранду. Лоренс Серенак повесил куртку на спинку пластикового стула, который тут же опасно покачнулся, а сам сел на соседний стул.

– Конечно, пластиковый гарнитур – не предел мечтаний, но мне он от одного родственника достался, ну я и взял. Антикварной мебелью обзаведусь попозже, когда стану комиссаром. – Сильвио улыбнулся и тоже сел. – Так что там было на похоронах?

– Ничего особенного. Дождь хлестал. Народу тьма собралась. Вся деревня явилась, стар и млад. Я попросил Мори пофотографировать – посмотрим, что нам это даст. Зря ты не пошел, Сильвио. Много интересного пропустил. Гранитную кувшинку не видел, три корзины цветов и даже епископа из Эврё. При этом, заметь, ни один человек не пришел в сапогах. Не тот уровень!

– Кстати, о сапогах. Я виделся в комиссариате с Лувелем. Он все организовал. Завтра получим первые результаты.

– Хорошо. Надеюсь, это поможет нам сократить список подозреваемых, – сказал Серенак, потирая руки, словно хотел согреться. – У этих бесконечных похорон есть и еще одно бесспорное преимущество. Благодаря им я могу работать сверхурочно дома у своего лучшего зама.

– Тем более что он у вас всего один! Простите, патрон, что заставил тащиться ко мне, но я побаиваюсь по вечерам оставлять Беатрис одну.

– Понимаю, понимаю. Ладно, чтобы покончить с этими чертовыми похоронами... Патрисия, то есть вдовушка, безутешно рыдала с первой до последней минуты. Если она притворяется, то ей надо сниматься в кино – премия за лучшую женскую роль на любом фестивале обеспечена. Зато ни одна из любовниц Морваля не пришла его оплакать.

– Кроме школьной учительницы. Стефани Дюпен.

– Это что, юмор такой?

– Простите, вырвалось. – Бенавидиш опустил глаза и чуть заметно улыбнулся. – Я уже понял, что на эту тему с вами лучше не заговаривать.

– Н-да, я смотрю, дома мой лучший зам себе много позволяет!.. Ладно, Сильвио, ничего от тебя не скрою. Стефани Дюпен

присутствовала на похоронах. И была прекрасна как никогда, несмотря на проливной дождь. Но! Она ни на шаг не отходила от своего ревнивца-мужа.

– Вы с ней все-таки поосторожней, патрон.

– Спасибо за совет, но я уже большой мальчик.

– Я от чистого сердца.

– Я тоже.

Слова помощника все же немного смутили Лоренса Серенака, который отвел взгляд и принялся рассматривать веранду. Безукоризненно ровные кирпичные стены, идеально отполированные балки, добела выскобленная каменная плитка на полу.

– Неужели ты и правда все это сделал своими руками?

– Так я все выходные и каждый отпуск что-нибудь мастерю. Мы с отцом. Он меня всему учит.

– Черт возьми, Сильвио, ты меня поражаешь. Лично я кое-как терплю ваш поганый климат только потому, что отсюда до моей родни не меньше восьми сотен километров.

Оба громко рассмеялись, и Сильвио тут же предостерегающе вытаращил глаза.

– Ну ладно, за работу.

Лоренс разложил на пластиковом столе три фотографии любовниц Морваля. Сильвио добавил к ним две свои.

– Честно говоря, я не понимаю, зачем нужно изменять жене, – сказал он. – До меня просто не доходит.

– Как давно вы с Беатрис вместе?

– Семь лет.

– И ты ни разу ей не изменил?

– Ни разу.

– Она сейчас наверху? Спит?

– Да. Но что это меняет?

– А почему ты ей не изменял? Может, она прекрасней всех женщин на свете и у тебя нет причин отвлекаться на других?

Сильвио перебирал фотографии. Судя по всему, он уже жалел, что завел этот разговор.

– Хватит, патрон. Мы собрались не для того, чтобы обсуждать мою семейную...

– Подожди, – перебил его Серенак. – Ты что, намекаешь, что твоя жена далеко не красавица?

Сильвио решительным жестом опустил на стол руки ладонями вниз.

– Красавица или не красавица, это не имеет никакого значения. Для семейной жизни это вообще неважно. Только полный кретин станет сравнивать свою жену с другими женщинами по красоте. Это же вам не конкурс! Какой бы прекрасной она ни была, всегда найдется другая, еще более прекрасная. Даже если вы женитесь на Мисс Вселенной, через несколько лет она постареет. Что ж теперь, каждый год разводиться и жениться на новой Мисс Вселенной?

Слушая тираду помощника, Лоренс как-то странно улыбался. Смотрел он при этом не в лицо собеседнику, а куда-то за его плечо.

– Вот, значит, как? Значит, я не первая красавица королевства?

Сильвио резко обернулся. Его щеки приобрели пунцовый оттенок.

В дверях стояла Беатрис. Лоренсу она показалась восхитительной. Потрясающей. Высокая, темноволосая, с длинными черными ресницами. На плечи Беатрис набросила кремовую шаль, красивыми складками ниспадавшую на круглый живот и делающую ее похожей на античную статую и оттенявшую персикового цвета кожу. В глазах у нее плясали смешливые искорки. Интересно, подумал Серенак, Беатрис всегда была так прекрасна или неземной красотой ее наделило будущее материнство? Во всяком случае, у него сложилось впечатление, что она переполнена счастьем, весь ее облик будто светился. Лоренс что-то такое читал на эту тему в журналах, но своими глазами наблюдал впервые. Одновременно кольнула грустная мысль, что он, наверное, стареет: еще несколько лет назад ему бы и в голову не пришло, что беременная женщина может быть такой сексапильной.

– Сильвио, – сказала Беатрис, усаживаясь на стул, – ты не принесешь мне стакан сока? Все равно какого.

Сильвио вскочил и бросился на кухню. Беатрис поправила шаль у себя на плечах.

– Значит, это вы – знаменитый Серенак?

– Почему «знаменитый»?

– Сильвио мне про вас все уши прожужжал. Вы не перестаете его удивлять. Точнее говоря, изумлять. Ваш предшественник использовал более... классические методы.

С кухни донесся голос Сильвио:

– Ананасовый подойдет?

– Да!

После секундной паузы она, в свою очередь, крикнула:

– А бутылка открытая?

– Да, вчерашняя.

– Тогда не надо!

Они немного помолчали.

– Нужно в подвале посмотреть, там еще должен быть.

Может, беременные женщины и сексапильны, думал Серенак, но до чего капризны. Любопытно, а в нормальном состоянии жена Сильвио такая же пышнотелая? И ведь не спросишь...

– Правда, он прелесть? – спросила Беатрис. – Лучший из мужчин. Знаете, Лоренс, я ведь его давно заприметила. И сразу себе сказала: «Чур, мое».

– Подозреваю, что он не слишком долго сопротивлялся. Перед вами трудно устоять.

– Спасибо. – Шаль сползла с плеч, и Беатрис снова подтянула ее. – Приятно услышать комплимент, особенно от вас.

– Почему особенно от меня?

– Потому что вы умеете видеть женщин.

Она произнесла это с легкой иронией. Шаль, разумеется, снова соскользнула, после чего Лоренсу не оставалось ничего другого, как перевести глаза на плоды мастерства Сильвио и его папаши.

– Мне он тоже нравится, – изучая взглядом балки, кирпичную кладку и стеклянные двери, сказал он. – И не только из-за шоколадных кексов и коллекции грилей.

Беатрис улыбнулась.

– Симпатия у вас взаимная. Хотя я не уверена, что это мне по душе.

– Почему же? Вы опасаетесь моего дурного влияния?

Беатрис плотнее запахнулась в шаль и наклонилась к разложенным на столе фотографиям.

– Гм... Кажется, вы кого-то подозреваете?

– Это он вам сказал?

– Кто же еще? Это его единственный недостаток. Как все скромники, в спальне он становится болтлив.

– Манговый? – Голос Сильвио донесся откуда-то снизу, видимо, из подвала.

– Ну если другого нет! Только похолодней! – Она улыбнулась Серенаку: – Не осуждайте меня, Лоренс. Могу я поэксплуатировать его еще несколько дней?

Инспектор молча кивнул. Беременные женщины не просто сверхсексепильны, они еще суперкапризны.

– Думаю, он такой во всем мире один. И вы его вычислили.

– Я тоже так думаю, инспектор.

– Пожалуй, ему чуть-чуть недостает воображения?

– Вот уж нет!

Вернулся Сильвио с большим стаканом, из которого торчала соломинка. На боку стакана красовался кружок апельсина. Беатрис поцеловала мужа в губы.

– Ну, поскольку я вымок до костей, то испытывать жажды не могу по определению... – начал Серенак.

– Простите, патрон! Что вы выпьете?

– А что у тебя есть?

– Пиво?

– Прекрасно! Только похолоднее. На апельсин я не претендую, но от соломинки не откажусь.

Беатрис одной рукой придерживала шаль, а во второй сжимала стакан.

– Сильвио, скажи ему, пусть катится к черту.

Бенавидиш расплылся в улыбке.

– Темное, светлое или безалкогольное?

– Темное.

Сильвио снова исчез в глубине дома. Беатрис опять склонилась к фотографиям.

– Это кто? Учительница?

– Да.

– Понимаю вас, инспектор. Она действительно... как бы это сказать... хорошенькая. Неотразимая. Как будто сошла с романтической картины. Или как будто специально позирует.

Лоренс вздрогнул от неожиданности. Как странно. Во время встречи с учительницей ему пришла в голову та же мысль. Беатрис внимательно рассматривала остальные снимки. Она отбросила назад спадающие на лоб волосы и слегка нахмурила брови.

– Инспектор! Хотите, я вам помогу?

– С расследованием?

– Да. На этих фотографиях есть деталь, которая прямо-таки бросается в глаза. Во всяком случае, в глаза женщине.

19

Стефани Дюпен стояла возле круглого окна и глядела на улицу, по которой шли мокрые жители Живерни. На ней все еще было облегающее черное платье. Через несколько минут она отошла от окна на пару шагов и сняла платье. Полураздетый Жак лежал в постели на боку. Он поднял глаза от бюллетеня по продаже недвижимости в округе Анделис. Комната располагалась в мансарде.

Посередине потолка тянулась дубовая балка, с которой свисала лампочка с абажуром, заливавшая комнату рассеянным светом. Кожа Стефани приобрела в этом освещении оттенок красного дерева.

Стефани снова приблизилась к окну и стала смотреть на вечернюю деревню – площадь возле мэрии, тополя, школьный двор.

«Что ты встала у самого окна, – подумал Жак, – тебя же с улицы видно!» Но вслух он ничего не сказал. Стефани буквально прилипла к окну. На ней был только лифчик, черные трусы и серые чулки.

– Почему на похоронах все время идет дождь? – чуть слышно прошептала она.

Жак отложил журнал в сторону.

– Не знаю. В Живерни часто идут дожди, Стефани. В том числе во время похорон. Просто про дождь на похоронах люди дольше помнят. – Он уставился на жену пристальным взглядом. – Ты ложишься?

Она ничего не ответила, но медленно отошла от окна. Развернулась в три четверти оборота и поймала свое отражение в круглом окне.

– Я потолстела, тебе не кажется?

Жак улыбнулся:

– Смейшься, что ли? Ты...

Он замялся, подыскивая слово, способное передать то, что он чувствовал, глядя на ее длинные волосы, гибкую спину цвета меда и изгибы тела.

– Ты... Настоящая мадонна.

Стефани улыбнулась. Завела руки за спину и расстегнула лифчик.

– Нет, Жак. Мадонна красива, потому что у нее есть ребенок.

Пристроив бюстгальтер на плечики, висевшие на вбитом в балку гвозде, она повернулась и, не глядя на Жака, села на край кровати и принялась медленно снимать чулки. Жак вытянул из-под одеяла руку и положил ее на плоский живот жены. Чем ниже она наклонялась, снимая чулок, тем ближе к его руке была ее обнаженная грудь.

– Кому ты хочешь понравиться, Стефани?

– Никому. Кому я должна, по-твоему, нравиться?

– Мне, Стефани. Ты должна нравиться мне.

Стефани ничего не ответила. Молча легла и накрылась одеялом.

– А мне не понравилось, – после некоторого колебания сказал Жак, – как на тебя пялился этот полицейский. На похоронах Морваля. Очень не понравилось.

– Не начинай. Хватит уже.

Она повернулась к нему спиной. Жак слышал ее ровное дыхание.

– Завтра Филипп и Титу зовут меня на охоту. На плато Мадри. Ближе к вечеру. Ты не возражаешь?

– Нет. С чего бы я стала возражать?

– Точно? Если скажешь, я останусь.

Ровное дыхание. Вот и все, что у него есть – спина жены и ее дыхание.

Это невыносимо.

Он положил журнал в изножье постели. Чуть помолчав, спросил:

– Ты не будешь читать?

Стефани покосилась на ночной столик. На нем лежала одна-единственная книга. «Орельен» Луи Арагона.

– Нет, не буду. Можешь выключать.

В комнате стало темно.

На пол упали черные трусы.

Стефани повернулась к мужу:

– Сделай мне ребенка, Жак. Умоляю тебя.

20

Инспектор Серенак во все глаза смотрел на Беатрис, стараясь разгадать, что прячется за этой ее насмешливой улыбкой. Веранда

словно превратилась в кабинет следователя. Жена Сильвио Бенавидиша зябко куталась в шаль.

– Беатрис! Так какая именно деталь бросилась вам в глаза?

– Она касается вашей учительницы. Кстати, как ее зовут?

– Стефани. Стефани Дюпен.

– Ах да, Стефани. Красивая девушка. По словам Сильвио, она разбила вам сердце.

Серенак нахмурил брови.

– Так вот. Руку даю на отсечение, что она никогда не крутила любовь с этим типом. С Жеромом Морвалем.

Беатрис еще раз внимательно пересмотрела все пять фотографий.

– Поверьте мне, она единственная из этих пяти женщин, никогда не вступавшая с ним в физический контакт.

– Что заставляет вас так думать? – Серенак, по ее примеру, тоже попытался изобразить загадочную улыбку.

Ответ прозвучал хлестко и категорично:

– Он не в ее вкусе.

– Вот как? А кто же в ее вкусе?

– Вы.

Беременные женщины отличаются редкой прямоотой.

Вернулся Сильвио с бутылкой «Гиннесса» и большим фирменным бокалом и поставил то и другое перед начальником.

– А можно я здесь посижу, пока вы будете работать? – спросила Беатрис.

В глазах Сильвио мелькнул испуг. Лоренс сдул с пива шапку пены и проворчал:

– Какая разница, если он все равно все вам потом выболтает?

Бенавидиш воздержался от комментариев. Серенак ткнул пальцем в одну из фотографий и объявил:

– Ладно, я начинаю.

Беатрис и Сильвио наклонили головы, разглядывая снимок. Тот, на котором Жером Морваль в засос целовал сидящую у него на коленях девушку за заваленным бумагами письменным столом.

– С точки зрения следствия фото не представляет большого интереса. Снято в кабинете Жерома Морваля. Девушку зовут Фабиенна Гонкальв. Одна из его секретарш. Молодая и распутная. Из тех, что под деловым костюмом носят кружевные трусы.

Сильвио осторожно положил руку на плечо жены, которой происходящее явно доставляло массу удовольствия.

– Если верить подруге секретарши, это сцена пятилетней давности. Фабиенна тогда была не замужем. Не то что сейчас.

– По-моему, на убийство из ревности точно не тянет, – сказал Сильвио и перевернул фотографию. – А что насчет кода? «23–02»?

– Понятия не имею. Никаких соответствий обнаружить не удалось. Ни с датой рождения, ни с датой знакомства. Единственное, что лично у меня не вызывает сомнений, – второе число обозначает не месяц.

– Извините, что перебиваю, патрон, но я уперся в тот же тупик. Девушек я установил, но по поводу цифр полный туман. «03–01», «21–02», «15–03»... Может, это шифр частного детектива, который делал снимки?

– Возможно. Но даже если так, что это нам дает? До тех пор, пока мы не выйдем на частного детектива, а Патрисия Морваль будет отрицать, что послала нам эти фото, мы не сдвинемся с мертвой точки. Ладно, оставим это пока. Давай, твоя очередь.

Сильвио так и не снял руку с плеча жены. Мало того, он ухватил конец шали и придерживал ее, чтобы не спадала. Чтобы достать снимок, ему пришлось изогнуться. Второе фото явно было сделано в ночном клубе. Жером Морваль сидел, щупая декольте переливающегося платья молодой загорелой и сильно накрашенной блондинки. Серенак присвистнул. Сильвио кашлянул. У Беатрис блеснули глаза.

– Алина... Алина Малетра, – пробормотал Сильвио. – Тридцать два года. Специалистка по связям с общественностью в артистической среде. Разведена. Складывается впечатление, что с ней у Морваля

был самый продолжительный роман. Независимая особа. В парижских галереях чувствует себя как рыба в воде.

– Связи с общественностью... – хмыкнул Лоренс. – Значит, теперь это так называется. Судя по фотке, та еще штучка. Ты с ней разговаривал?

Беатрис выпрямила спину – ни дать ни взять волчица, почуявшая опасность. Пальцы бдительного Сильвио крепче сомкнулись на шали.

– Нет, – ответил инспектор. – По моим данным, она девять месяцев назад перебралась в США, в местечко под названием Олд-Лайм. Не знаю, слышали вы про него или нет, но говорят, это что-то вроде американского Живерни. Там собираются импрессионисты с Восточного побережья. Находится в штате Коннектикут, неподалеку от Бостона. Я пытался ей дозвониться, пока безуспешно. Но не сомневайтесь, патрон, я ее достану!

– Хорошо. Надеюсь, ты не сочиняешь сказку про американский вояж прекрасной Алины, чтобы не расстраивать жену?

Беатрис провела рукой по колену Сильвио.

Беременные женщины не только сексапильны и капризны. Они еще умеют быть ласковыми.

– А теперь держитесь, – продолжил Сильвио. – Знаете, на кого Алина Малетра работает в Бостоне?

– Дай подсказочку! – взмолился Серенак. – Она работает одетой или наоборот?

Сильвио не снизошел до комментариев.

– Алина Малетра трудится в фонде Робинсона!

– Ишь ты. Опять этот чертов фонд! Сильвио, разыщи мне эту девицу, – строго сказал Лоренс, покосившись на Беатрис. – Ладно, теперь моя очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Мишель БЮССИ

Детективщик № 1
во Франции

ЧЕРНЫЕ КУВШИНКИ

Примечания

1

Сладкое белое вино, производимое в окрестностях города Гайак.
[Вернуться](#)

2

Международный конкурс юных художников (*англ.*).
[Вернуться](#)